ТАЙНА

ОТВЕРЖЕННОЙ КОРОЛЕВЫ

София Наумова

18+

Тайны отверженных

София Наумова

Тайна отверженной королевы. Книга 1

«Автор»
2026

Наумова С.

Тайна отверженной королевы. Книга 1 / С. Наумова — «Автор», 2026 — (Тайны отверженных)

Почти сто лет назад Королева Либертат совершила грех, за который её народ расплачивается до сих пор. Все женщины, девушки и девочки впитали в себя грех королевы. В ту ночь появились роганы - чудовища, жаждущие человеческой крови. Чтобы выжить, люди были вынуждены уйти под землю.Теперь Либертат разделён на два слоя: наверху живут знать и богачи, внизу - бедняки и те, чья жизнь ничего не стоят. Каждый год жители приносят жертвы, надеясь очистить грех женщин и удержать монстров во тьме. Но роганы возвращаются вновь, а армия больше не способна защитить королевство.После нового нападения судьба Либертат оказывается в руках людей, которые никогда не должны были встретиться. Трус, эгоист, неудачник, слепой и немая - та ещё команда для спасения. Чтобы спасти королевства, им придётся раскрыть тайну Отверженной Королевы и вернуть того, кого многие считают лишь легендой.Дракона.Вот только некоторые легенды лучше не будить.

© Наумова С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УЗЛЫ ВРЕМЕНИ. 8
Начало 8
Глава 1 16
Глава 2 27
Глава 3 41
Глава 4 47
Конец ознакомительного фрагмента. 52

София Наумова
Тайна отверженной королевы. Книга 1

Пролог

– Ужасное начало... твоей жизни, – выдохнула она полушёпотом. Голос дрожал, хотя уверенная в том, что звучит как никогда твёрдо не смела отступать.

Ночная тишина окутала своей пеленой королевские покои и лишь тонкие струны луны проникали во мрак комнаты, освещая изгибы хрупкой женской фигуры. Тёмный силуэт отчаянно прижимал к груди маленькое, ещё совсем неокрепшее тельце. Слегка шершавое на ощупь, но такое тёплое. Оно было непривычно тяжёлым, но только его она могла назвать своим. Словно это её родное дитя от плоти и крови. Она принесла нерушимую клятву - защищать, беречь, любить. До конца её дней. Ценой даже своей собственной жизни.

Она не думала о той, что сейчас спит, спрятанная в глубине дворца. Сейчас это было неважно. Слишком много утрат её ждёт впереди.

В открытое окно, непрошенным гостем ворвался порыв ветра и выбил белокурые пряди из тщательно уложенной причёски. Девушка вдохнула и продолжила бродить по комнате. Лёгкое платье двигалось в такт каждому её движению. Лишь стук крошечного сердца, сплетённый с её, имел значение.

Казалось, ничто не способно нарушить особую связь, что сейчас невидимой аурой окутывала каждый сантиметр спальни. Изящная корона из переплетенных нитей золота и серебра, в центре переходила в два широких крыла. Корона, что служила неотъемлемой частью королевского вида, теперь как обычная побрякушка лежала у подножья кровати. Несмотря на все шелка и золотые чаши, что служили предметом восхищения многих придворных, потеряли весь блеск и привлекательность. Огромная пуховая кровать, стала жесткой и холодной по сравнению с прикосновением к коже того, кто сейчас был для неё частичкой сердца и души. Единственное, что для неё было известно - *это не будет длиться вечно.* Как бы этого не хотелось, как бы она не боролась, ничего не выйдет…

Раздался удар, улюлюканье и крики. Они пришли. Ей не жить. Они уже убили её супруга, теперь пора избавиться и от неё. Они считают, что это все из-за неё. Вся эта пролитая кровь, лежит на её плечах. Мужчины, женщины, дети, со счёта смертей сбились уже все. Их слишком много.

– Именем народа либертат, откройте дверь! – прохрипел, срываясь на крик низкий мужской голос, продолжая нескончаемый град ударов. Вновь крики. Много криков. Она узнала этот голос, ещё пару дней назад они сидели за одним столом обсуждая подписания мирного договора с народом Востока.

Она знала, что будет так. Почему же дыхание перехватило, а слёзы пытаются вырваться наружу. Руки предательски задрожали, а с ними маленькое тельце. Глубокие изумрудные глаза смотрели на неё так выразительно, будто умоляя её остановится, одуматься, *ещё не время.*

Она знала, что делать. Что бы с ней не случилось, она должна действовать. Нельзя, позволить им убить его.

– Я должна это сделать… Прости… Я знаю ещё рано...но нужно… – сказала она полушепотом, с трудом удерживая слезы. Посмотрела прямо в бездну глубоких глаз и вновь прижала к груди. Шепча лишь единое слово, “Прости”.

Одинокая слеза забыла про запрет, скатилась с лица и упала на белую ткань платья. Она шагнула к окну. Вытянула руки. Её малыш оказался над бездной за пределами тёмной комнаты. Снаружи было в разы светлее, чем среди серых стен. Всё королевство полыхало в ярком

пламени огня. Она закрыла глаза. Крошка тревожно завертелся, но странная пелена заслонила глаза и больше она ничего не видела. Внизу о скалы бились волны Белого моря.

“Прости” прошептала она и отпустила. В тот же миг она сморгнула слёзы. Она должна это видеть… Она забыла, как дышать. Сердце пропустило удар, когда её ноша камнем рухнула вниз. Рукам должно было стать легче, но их только сильнее сковали невидимые оковы. Казалось, падение длится не мгновение, а долгие мучительные часы. Ещё чуть-чуть и тельце вонзится в Белое море тревожа его привычный порядок.

Всплеска не было. Крылья распахнулись. То, что секунду назад безвольно падало вниз, взлетело вверх с такой лёгкостью, будто и не было никакого падения. Взмахи были слишком частыми, слегка неловкими. Ну, конечно, это его первый полет. Крылья были немного непропорциональными, но это не мешало держаться в полете. Бронзовая чешуя переливалась новыми красками в лунном свете, даже хвост казался длиннее. Он ещё никогда не выглядел таким живым как сейчас. Хотя ещё миг назад был у неё на руках и казался таким беспомощным. Миг назад его не ждало ничего кроме мучительной смерти в бездне хаоса моря. Изумрудный взгляд в последний раз посмотрел в глаза девушки. Она пыталась уловить каждую деталь, чтобы запомнить его именно таким. Он и только он будет у неё в глазах до самой смерти. Мордочка, крылья, глаза, каждая чешуйка. Настолько прекрасное создание ей не доводилось видеть за всю свою жизнь.

– Дракон! – она едва слышно выдохнула. Слово обжигало язык, но на вкус оно было вкуснее любого лакомства.

Во рту от пряного трепета стало сухо и душа радостно затрещала в ответ будоражащему чувству.

Быстро выгнув шею, маленький дракон издал что-то между рыком и урчанием. Тряхнул головой из стороны в сторону, будто сам был не согласен покинуть тёплые объятия. Однако всё же сделал два медленных размашистых взмаха и полетел прочь всё так же неловко.

Всё дальше от неё… от замка…

Дверь вылетела из петель. С грохотом рухнула на золотые чаши, которые тут же утратили остатки былой красоты. Последняя преграда, что дарила чувство хоть какой-то безопасности, исчезла. Странное колкое ощущение с новой силой налетело на неё. Страх. Боль утраты и… *одиночество.* В последний год ей удалось отдать ему всю себя без остатка. Ком в горле стал больше и был готов без суда забрать жизнь, лишив дыхания.

– Ужасное начало твоей жизни, – сквозь зубы прошипела она, – но у тебя она хотя бы будет.

В покои ворвались солдаты. Во главе был не кто иной, как обладатель хриплого голоса. Толпа мужчин окружила одну единственную цель. Хрупкую девушку в белом платье.

– Нефас, ты уже здесь? Не слышала, как ты вошёл. – голос девушки звучал тихо, но твёрдо, так что все могли её услышать. Именно так положено говорить королеве. Даже если её трон полыхает огнём и превращается в пепел.

– Именем народа либертат, вы больше не являетесь главой королевства Либертат и подлежите немедленной казни!

Северные Земли
Великое Холодное море
Лесное поселение
Либертат
Подземное королевство
Пустынные Дюны
Долина К.
Белое море
Тенистые берега
Когда-то Либертат был таким же, как и другие королевства на поверхности. Но в день, когда небо обрушилось в бездну, а земля содрогнулась от шага чудовищ, они ушли под землю, чтобы выжить...
Лесное поселение
Северные Земли
Пустынные Дюны
Долина К.
Белое море
Тенистые берега
Либертат (подземное кор.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УЗЛЫ ВРЕМЕНИ.

Начало

Экспедиция № 354. Армия Вита.

– Третья позиция! Третья позиция! Всем занять свои места! – голос капитана срывался, с очередным выкриком приказа привычный бас становился всё более хриплым. Упаси их всех Небеса, если голос окончательно сядет. Солдаты, которые находились с другой стороны чудовища должны были слышать его голос и строго выполнять каждый приказ. Даже вой ветра и острые капли дождя, что забивали его рот в яростном крике не смогут ему помешать. Яркая вспышка разразила ночное небо, освещая темноту и озаряя на короткий миг ужасающее тело рогана. Им негде было прятаться и отступать тоже было некуда. Рядом не было ни деревьев, ни камней, лишь трава, что доставала до колен.

– Дракоп в оборону! Группа зира – отступить, фола – обогнуть тварь!

Только громкий рык монстра и взмах крыльев смогли составить конкуренцию голосу капитана. Гром в такт гигантскому змею затрубил на всю округу, а ливень застучал с двойной силой. Солдаты, чья тёмно-зелёная форма была вся насквозь пропитана дождём и кровью, забыли о всех неудобствах и передвигались согласно всем указаниям.

– Отступаааай… – взревел капитан в тот самый миг, когда его тело отбросил массивный хвост рогана. Новые хлопки крыльев обдали ветром промокшие тела солдат. Роган в торжестве затрубил, а на кончике рога показался и исчез огонёк пламени, а на его месте расплылся едва уловимый дым.

– Капитан! – прохрипел юноша и бросился вслед отлетевшему мужчине. Он продолжал звать своего капитана не переставая, но каждый его призыв тонул в нарастающем шуме. Юношу трясло. Может от холода, а может от страха. *Зачем он вовсе находился в этой экспедиции?*

Мальчишка – по-другому не назовёшь. Тяжёлым шагом продвигался вперёд. Он всё глубже утопал в криках, смешанных с яркими вспышками и полу шипящими звуками монстра.

– Капитан? – юноша подскочил к мужчине, тот словно мёртвый лежал неподвижно. Форма была мокрой и невозможно определить кровь это или последствия дождя. Паника затопила изнутри, он прислонил ухо к груди капитана и услышал тихий звук всё ещё бьющегося сердца. Он обернулся на своих сослуживцев и понял, – ему никто не поможет. Всё тщетно. Их маленький отряд можно было пересчитать по пальцам.

О нём, как и о капитане все забыли. Пришло время когда каждый солдат сам за себя и просто пытается выжить. Чужая жизнь не имеет значения, когда на кону стоит твоя собственная шкура.

– Вы слышите меня? Капи… – и только новая вспышка молнии открыла завесу, под каким неестественным углом лежало тело мужчины и как уродило было перекошено его лицо.

– Айзек… Ухо... Д… И… – голос больше не был громким. Язык вываливался изо рта и мешал внятно произносить слова.

Айзек отскочил. Звук собственного сердце стучал в висках и заглушал: крики солдат, гром небес, рёв рогана. Всё, что он мог прямо сейчас – это ползти спиной назад, в то время как дождь, стекая с медных волос, застилал глаза. Сквозь завесу ливня капитан казался лишь светлым размытым пятном, озаряемым вспышками молний. И всё же именно в этот момент его образ врезался в сознание Айзека до мельчайших деталей. Нижняя губа начала трястись, как будто он ребёнок, у которого только что отобрали сладость. Руки передвигали его собственное тело невыносимо медленно.

Шипящие звуки затрещали вокруг. Айзек интуитивно повернулся и замер. **Ещё трое.** Трое роганов приближались с каждой стороны, окончательно окружая группу солдат. “Когда? Когда они успели подползти так близко?” вопросы вертелись в голове. Всё перемешалось, не такой он представлял первую свою экспедицию.

– Всем держать строй! – крикнул один из вита. Приготовился к атаке и направил дракоп в сторону рогана.

Айзек опустил взгляд на себя. Собственное тело казалось чужим. Дождь почти полностью смыл кровь, и теперь форма выглядела лишь промокшей и перепачканной грязью. Он должен двигаться. Ему нельзя так сидеть, иначе он просто сгинет здесь, как все эти люди. Он стал медленно подниматься. Быстрый вздох и выдох.

Он выберется отсюда живым.

Дикий рёв смешался с быстрыми хлопками крыльев – кто-то из отряда всё-таки сумел задеть рогана. Тот резко затряс змеиной головой, будто не столько испытывал боль, сколько негодовал из-за подобной наглости. Быстрое движение монстра и неподобающее поведение было наказано – безжизненное тело свисало с рога змея. Второй роган ловко проскользил к добыче и с озорством стал поедать готовое мясо.

Айзек подавил рвотный позыв и с трудом, но всё же смог подняться на ноги.

Он побежал. Айзек ещё никогда не был так сильно рад дождю. Ветер дул ему в спину подгоняя вперёд. Они шли сюда почти сутки.

Сможет ли он добраться до королевства раньше? Если будет бежать? Бежать без остановки? Насколько его хватит?

Айзек не чувствовал себя трусом или предателем. Он должен выжить, и он будет жить. У тех людей нет будущего, у него есть. Он вернётся, он обещал.

Дыхание стало прерывистым, а ноги наполнились тяжестью. Он замедлился. Дождь и не собирался отпускать свою власть, а вот серое солнце уже стало показываться над горизонтом.

– Рогана в задницу! – выругался Айзек. Когда взойдёт солнце, находится на открытой местности будет равносильно, чтобы подписать смертный приговор. Глаза ещё не готовы. Он ослепнет.

Айзек остановился и стал осматривать местность. Роганов не видно, как и какого-либо укрытия. Лишь одно единственное дерево вдалеке.

– Успею… – одними губами прошептал юноша и двинулся тем же рваным бегом в сторону дерева. “Если его видно отсюда, значит дерево должно быть массивным…” размышления отвлекали от нарастающей боли внизу живота и груди.

Лучи ненавистного солнца всё сильнее заполняли грозное небо, превращая тёмное полотно в решето из светлых заплат, а цель будто даже не думала приближаться. *“Не иллюзия ли это?”*.

Бег с каждым разом становился всё медленнее, пока не перешёл в еле передвигающиеся шаги. Дождь становился всё тише и теперь дыхание юноши было громче шагов.

Дерево стало реальным. По началу приближаясь едва заметно, затем показывая всё свое величие вблизи. Айзек почувствовал теплеющую надежду. Он наконец остановился и положил руку на мокрую кору. Послышался хриплый смешок и Айзек не узнал собственный голос. Одно единственное дерево на всю округу и мокрая от дождя трава. *Неужели Небеса смилостивились над ним? Или быть может сделали подарок перед смертью?*

– Теперь осталось всего-то забраться, – прохрипел Айзек и поднял голову на дерево. По привычке юноша собирался присвистнуть, но всё же заставил себя прикусить язык. У него

в любом случае ничего бы не вышло. Дерево было не просто большим, размером гораздо больше, чем трёхметровый роган. Другого спасения ждать точно не придётся, а значит он должен забраться в кровлю, чтобы выжить.

Дракоп остался далеко отсюда. Лежал где-то среди тел его сослуживцев и капитана, да и чем бы сейчас ему помогло копьё. Айзек быстро отогнал ненужные мысли. Наклонился к сапогу и засунул руку во внутреннюю часть. Небольшой нож всё так же находился на своём месте, другой покоился во втором сапоге. Не зря он потратил целую ночь, чтобы мелкими стяжками, незаметно для посторонних глаз, закрепить два дополнительных ножа. Пришлось нарушить принятую дисциплину, но теперь это самое нарушение спасает жизнь. Его в любом случае не стали бы осматривать, однако небольшая предосторожность всё же сыграла свою роль. Не будь её, ножи уже давно потерялись бы среди высокой травы.

Вонзая поочерёдно ножи в податливое дерево Айзек подтягивал себя всё выше. Вокруг становилось всё светлее и глаза начинало неприятно щипать. Зубы сжимались. Айзек сдерживал насколько мог рычание, что с каждым усилием хотело вырваться наружу. Если роганов не видно, не значит, что они не услышат, а везение не может длиться вечно. Добравшись до ветки, которая по виду способна выдержать вес жилистого парня, Айзек разрешил себе передохнуть и прикрыл уставшие веки.

Глаза распахнулись, когда Айзек почувствовал жжение на коже. Солнце почти взошло. Он не готов. Нужно забраться в листья, как можно быстрее. Айзек продолжил вонзать ножи в дерево, пока не появились частые ветки, хватаясь за которые он мог подтягивать свою тело выше.

Оказавшись среди кровли дерева Айзек смог выдохнуть. Переждёт день здесь, а ночью отправится дальше. Придётся бежать всю ночь. Если Небеса продолжат подыгрывать и он не наткнётся на рогана, то к следующему утру будет уже в Либертате. Айзек прислонился спиной к мокрой древесине. Грудь стала медленно вздыматься, а рот приоткрылся в жажде воды. Шипящий звук послышался у подножия дерева. Айзек чуть отстранился от ствола и посмотрел вниз. Сердце остановилось. Гигантский змей пару раз хлопнул крыльями и свернувшись в клубок потянул голову вверх, так что рог царапнул ствол дерева. Айзек втянул голову обратно, схватился за форму и поспешно стал себя обнюхивать. От него пахло потом, грязью и кровью. Все запахи выдают его присутствие, но видимо листва пахнет сильнее, раз роган не учуял его. «А может тварь только делает вид?».

Айзек ударил себя кулаком по лбу и надавил так, что заболели виски. Он смог добраться до единственного спасения, а теперь спасение превратилось в ловушку. Юноша снова приподнялся и посмотрел вниз, ещё пара змей подползли к своему дружку. Они ревели, хлопали крыльями и стукались рогами. Странное облегчение неожиданно охватило его *“Хотя бы не летают”*. Крылья роганов были меньше, чем масса самих змей. Из-за чего они не могли взлететь. Максимум, на что они были способны, это не слишком продолжительные прыжки. Однако размер самих роганов быстро стянул пелену утешения с его глаз, и едва проступившая кривая улыбка спала с лица. Один около двух метров, остальные около трёх. **“Я в заднице.”** Может он сказал это вслух, может то были только мысли, но роган открыл пасть и задрал голову в сторону кроны. Морда играющим жестом наклонилась сначала влево, потом быстро в право, выскочил раздвоенный язык и втянулся обратно. После роган улёгся на голову своего собрата и прекратил движения. Тяжёлый ком застрял в горле Айзека. Ему ничего не оставалось, кроме как, закрыть глаза и постараться хоть немного отдохнуть.

Поспать долго не получилось. Юноше было тяжело дышать, голова всё время кружилась, а глаза щипали. Он готовился к этому несколько лет и как оказалось, его тело всё равно не было готово к выходу на поверхность. Всё что он мог – наблюдать.

«Не факт, конечно, но нужно запомнить и обязательно проверить» – размышлял Айзек, – «Влияет ли солнечный свет на роганов, как и на нас? Ночью эти поганцы более активные, днём предпочитают спать.»

Дерево подсыхало от палящего солнца и Айзек наконец додумался расстегнуть свою курту. Оказавшись в одной рубашке тело пробрало до мурашек от приятной прохлады.

Покинуть дерево просто невозможно. Он погибнет если ни от роганов, так от солнца. Ночью твари наверняка выйдут на охоту, а у него из оружия, только два ножа, которые даже чешуйки не сгрежут, что говорить о том, чтобы убить их. Оставалось только ждать. Однажды твари уползут и тогда он сможет сбежать…

Наступала вторая ночь прибывания Айзека на дереве. Его губы высохли. Кожа по всему телу выглядела так, будто он не юноша девятнадцати лет, а старик. Голод и жажда давили на сознание и создавали мощный водоворот. Айзек боялся даже пошевелиться. Стоило хоть чуть-чуть сдвинуться, как ему казалось, что он с треском упадёт прямо в пасть роганов. Ему нужно поесть.

К утру на листьях собралась роса. Удалось немного намочить язык и горло, но без еды не будет сил даже бежать. Аккуратно отломил кусок коры и впился в него зубами. Тут же из-под коры выбежало множество маленьких насекомых. Айзек смочил указательный палец и принялся быстро насаживать жучков, потом так же быстро отправлял их в рот. Было отвратительно. Желудок тут же заурчал в противном звуке, но другого варианта не было. Хотя может отравление убьёт его быстрее. В какой-то степени это даже радовало.

Выбраться ночью не удалось. Ближе к вечеру у дерева собралось ещё четыре рогана. Все они то расползались, то через короткое время собирались снова. Возможно, чуяли его запах, а может это своеобразный ритуал. Утром всё повторилось и роганы снова спали. «Значит всё-таки догадка верна. Только, как это мне поможет?» Мысли беспорядочно вертелись в голове.

Роганы начинают пробуждаться ближе к закату, значит он должен начать спуск раньше. Придётся запомнить направление и продвигаться с плотно закрытыми глазами до тех пор пока не почувствует под ногами твёрдую почву. Главное не потерять ориентир. *«Сегодня будет проще»*. Роганы предпочли не развалиться по территории вокруг, а аккуратно устроились в один клубок чуть в стороне от ствола, но всё ещё оставаясь в тени дерева. Значит будет спускаться с противоположной стороны.

Айзек всё же смог привстать и едва удержался на ногах. Старался сфокусировать взгляд. Нужно понять и запомнить, куда идти и что может ждать впереди. Зрение подводило. Он закрывал глаза и мысленно прокручивал, что увидел. Местность прямая, без каких-либо укрытий, одна сплошная трава. Около четыреста - четыреста тридцать метров вперёд можно разглядеть камень, но трудно определить большой он или маленький. Всё смешалось.

Айзек открывает глаза, снова смотрит, но понимает, что упустил овраг, который следует сразу за камнем. Поэтому повторяет свои мысленные тренировки по новой.

Солнце начало медленно спускаться за горизонт. Айзек натянул куртку с задней стороны на грудь. Спину облепила грязная рубашка. От сапог тоже пришлось отказаться, так больше шансов справиться с затеей. Спускаться как поднялся не получится. Звуком ножей, кромсающих дерево можно разбудить тварей. А может это никак не повлиять. Рисковать, в любом случае, не хотелось. В отличие от опытных солдат, Айзек многого не знал и экспериментировать сейчас было не самое лучшее время. Придётся в буквальном смысле съезжать с дерева и единственное, чем он мог удержаться за ствол – это пальцы и ногти, словно дикий зверь.

Ещё раз взглянул на местность, повторил картину в голове и стал спускаться по веткам вниз. Он будет пользоваться ветвями столько на сколько будет позволено.

Когда добрался до середины, листва стала заканчиваться. Пришло время оторвать широкую полоску от рубашки и завязать глаза. Мысленно пронеслась картинка, где находится следующая ветка, но прыгать всё равно было страшно. Делать больше нечего, сглотнул и оторвал ноги от земли. Если умрёт сейчас, значит не умрёт в следующий раз.

Когда ноги приземлились на поверхность дерева, Айзек облегченно выдохнул и снова повторил прыжок. Он жутко вспотел. Прыжки вызывали новый сладковатый привкус во рту, а ноги подкашивались. Сердце билось учащение, а кончики пальцев подрагивали от напряжения. Когда по подсчётам его ступни коснулись последней ветки, губы Айзека скривились – до низа оставалось около двух с половиной метра, а саднящая боль от стоп уже охватила все ноги. *«Не так уж и высоко…».* Солнце должно было уже сесть. Вокруг царила тишина, и только время от времени слышалось шипение. Роганы ещё спали.

Теперь самое сложное. Айзек постарался обхватить ствол дерева во всю длину рук, хотя и части не обвил, задержал дыхание, напряг торс и сжал зубы. Слегка ослабил руки, но всё равно стремительно поехал вниз. Раздался громкий шипящий звук и кровь с новой силой застучала в ушах. «Слишком громко! Слишком громко!» вопил его разум и рисовал картинки, как роганы просто разрывают на части окровавленное тело. Куртка стёрлась слишком быстро, звуки стихли, но не до конца. Кора дерева добралась до груди. Айзек сдавил крик. Почувствовал, как потекла кровь. Жар терзал тело, страх разрывал душу. Его план провалился. Он просто разодрал все свои пальцы и грудь.

Ноги наконец коснулись земли. Дышать было невообразимо тяжело. Рот то и дело открывался в немом вопле. Холодный пот катился по горячему, мокрому от крови телу. Ему хотелось кричать, выть, колотить по треклятому дереву, сделать хоть что-то, чтобы выпустить боль, но он всеми силами сдерживал порыв. На языке проступил вкус железа, похоже не заметил, когда прикусил язык.

Уже должно было стемнеть, но он всё равно боялся открывать глаза. Раздались хлопки и шипение. Сердце забилось. Кровь. Они почуяли его кровь. Мысли разбежались. Нужно бежать. *Куда?* Картинки завертелись. Новый рык и скрипящий звук ползущего длинного тела. Айзек был готов поклясться, что слышит, как мелкие камни забиваются в отверстия между плотью твари и чешуйками. Хлопки. Ветер обдал лицо Айзека и тот побежал. Он забыл обо всем. О боли, что обжигала всю грудь, о разодранных пальцах, о ногах, что еле держали его стоя, а теперь бежали, не жалея сил. Рык, призывающий к охоте, раздался на всю округу.

Неуверенный, что бежит в правильном направление, не прекращал перебирать ногами. Повязка всё ещё была на глазах и снимать её пока было опасно. Если бежит верно, то есть шанс укрыться в овраге.

Айзек вскрикнул. Тело юноши подлетело вверх и до треска в рёбрах ударилось о землю. Его понесло в сторону. Повязка слетела, но глаза были плотно закрыты и открывать совершенно не хотелось. Однако оставаться и дальше в слепоте было опасно. Решившись открыть сначала один, а затем и другой глаз, Айзек понял, что солнце больше не грозит. А вот гигантская пасть монстра и длинное тело, что окружало его со всех сторон, вызывали в нём неописуемый ужас. Он приподнялся на локти и старался двигаться назад, хотя и знал, что бежать некуда. Бежать из кольца монстра бессмысленно.

Аспид вытянулся, раскрыл свои рёбра в форме капюшона и замахал крыльями. Быстрый бросок – роган кинулся прямо на него. Айзек успел откатиться в сторону, но чудовище повторило бросок. Юноша, уловив момент ухватился за край капюшона и вновь подлетел в воздух. Тело ударилось о землю, и он почувствовал, как с новой силой затрещали кости. Раны, остав-

ленные древесной корой, ещё не успели подсохнуть, а уже сильнее заалели свежей кровью. Для роганов этот запах был всё равно что приглашение к пиршеству.

Айзек захрипел. Несколько попыток подняться не увенчались успехом. Тело не слушалось. Роган подполз быстро и в торжественном вопле захлопал крыльями. Его рог блестел в свете луны, будто отполированный столовый прибор. Тонкий ободок дыма окутал рог, заструился вверх, исчезая в ночном небе. Чудовище словно нарочно пугало, – издать пламя или не стоит?

– Для тебя я игрушка? Ты сытый хряк, и решил поиграться с ужином?! Мерзкая тварь, разве тебе не говорили, что играться с едой нехорошо? – сквозь стиснутые зубы юноша то ли прорычал, то ли прохрипел.

Рывком перевернулся на бок и вскочил. В расчёте, что если сделать всё быстро, то боль не успеет овладеть телом. Он не бежал, просто не мог. Голова кружилась, впереди был тот самый камень и овраг. Айзек шёл, пошатываясь к камню, а роган будто смеялся ему вслед. Монстр играючи сделал выпад вперёд, Айзек успел увернуться скорее благодаря удачи или быть может несерьёзному настрою рогана. Пасти избежать удалось, но от сильного толчка чешуйчатой головы, его отбросило, приложив спиной о камень. На четвереньках он обогнул камень и слетел прямиком в обрыв. Всё болело и ломило. Айзек лежал в слишком не естественной позе. Руки вывернуты под странным углом, но слава Небесам не сломаны. Почувствовал, как раны на груди забились грязью. От чего жар стал сильнее, в то время как стекающая кровь была омерзительно холодной дрянью.

Тихий смешок всё же вырвался наружу. Из рассечённой губы тонкой нитью потянулась кровь, смешиваясь с дождевой водой и падая на землю. В нескольких сантиметрах от его лица красовался острый рог – именно он мгновение назад едва не разорвал губу надвое. На дне оврага спал, раскинувшись вдоль всего пространства роган. Айзек задышал часто и шумно. Он умрёт. Здесь и сейчас. Прикрыл глаза. И только тогда уловил тёплое свечение. За хвостом рогана, проглядывало узкое ущелье. Из него лился едва видимый свет. Губы предательски задрожали. Впервые в жизни ему безумно захотелось расплакаться. В голове вспыхнула фигура отца. За одни дрожащие губы его могла ждать пощёчина. Затем образ отца сменила мать, она надула свои щёки и шикнула. Она всегда так делала, когда Айзек не слушался или совершал ошибки. Родители превратились в очертания и слились в последние слова отца перед экспедицией: «Ты должен показать, для чего рождён…», слова матери: «Вернись живой… Обязательно живой. Твоя смерть погубит нас обоих».

Айзек попытался встать. Где-то в области локтя раздался нехороший хруст, но он всё равно не мог понять болит рука или нет. Вся боль тянулась из груди и отдавала звонкими ударами в голову.

Скрепя зубами он поднялся и двинулся в сторону света. Сверху загремел рёв. Старый друг вернулся, а вот новый приятель открыл чёрные словно бесконечная мгла глаза. Айзек тряхнул головой и заковылял вперёд. Второй змей выпрямился в полный рост и в отличие от предыдущего был очень даже голоден. Чудовище ловко скрутилось в клубок и выставив рог кинулось на юношу. Первый не захотел уступать свою добычу другому и бросился следом. На секунду они сцепились, но этого хватило. Пользуясь замешкой, Айзек проскочил в ущелье. Рык негодования сменился шарящим в проёме длинным языком, но тот уже не мог до него дотянуться. Роганы предприняли ещё одну попытку нагнать свою жертву, но пара ударов о стены ущелья не помогли и змеи заметались в беспомощности. *«Могу ли я считать это спасением?»*. Айзек боялся даже думать, что всё закончилось. Слишком много шуток в его сторону от Небес.

Айзек привалился к холодной стене и откинул голову. Всё кружилось, но долго так оставаться нельзя. Нужно двигаться вперёд, пока ещё остались какие-то силы.

Свет уводил дальше, вглубь ущелья, которую теперь Айзек мог назвать пещерой. Он шёл вперед, потому что пути назад в любом случае не было. Свет освящал всё ярче и дышать становилось всё легче. Воздух стал как будто чище. Хотя понимал, что находится в подземной пещере, где, как правило кислорода, наоборот, меньше.

Когда Айзек добрался до источника света, то не обнаружил ничего кроме небольшого куска земли. По форме и цвету похожего на самый простой камень, однако с торчащими небольшими волосками. Юноша прикоснулся к нему и почувствовал, что тот мягкий и податливый как глина. От него исходило свечение и слабый необъяснимый воздух, будто этот маленький кусочек впитал в себя всю прелесть свежей травы и утреннего ветра. Взял кусочек в руки и не почувствовал жжения или других неприятных ощущений. Айзек поднёс его ближе к носу и втянул воздух полный грудью, от чего всё защемило, но он смог распознать едва заметный запах гнили. Однако тот был терпим и толком не ощущался.

С маленьким огоньком Айзек двинулся дальше. Свет не прекращался. Глаза от него не болели. Айзек понятия не имел, что это, то точно знал, что должен отнести это каелам. Впереди показался такой же узкий проход на поверхность. Он выглянул и сглотнул.

Поднял голову на лунный свет, опустил на огонёк в своих руках и тепло затопило его. Хоть одна экспедиция будет ненапрасной.

Глава 1

Каждый мужчина, каждый юноша и каждый мальчик обязаны знать, как правильно приносить жертву.

В этот день было особенно душно. Почва вокруг так и пыхтела жаром. Лёгкий пар, несмотря на окружающий мрак, окутывал еле заметной дымкой. С самого верха проглядывали маленькие корешки деревьев. Из-за жары их стало видно сильнее чем раньше. Мелкие комья земли струйками скатывались с краёв подземных стен. Местами из маленьких норок прорезывались головки по праву обитавших здесь червей, явно недовольных тем, что людишки, решившие захватить их земли, снова так расшумелись. Такая картина изрядно портила вид для предстоящей церемонии. Однако людей, которые начали свои хлопоты с самого утра, это ни капельки не волновало. Хотя дышать было труднее обычного.

– Убери свои грязные руки, эта жертва принадлежит мне! – кричал старик, оттягивая ягнёнка у тучного пекаря, который положил взгляд на животное.

Торговая площадь кипела от количества народа, каждый был в ожидании праздника и спешил получить всё самое необходимое. Никто уже не обращал внимание на царящий вокруг запах пота, гнили, навоза и человеческих тел. Каждый привык к этому и жизнь спокойно текла своим чередом. Неизменным оставался только раздор, что человек носит с собой от чрева матери. Одно неверное слово провоцировало драку или громкие крики с возгласами и руганью.

Поводом для ссоры могло послужить завышение цены или втирание хилого ягнёнка, негодного и псам на корм. Даже воздуходух не помогал, который сегодня работал на полную мощность, в попытке избежать жертв от нехватки воздуха во время скопления горожан на площади. Или быть может отряд каелов снова юлил от своей работы и опять не заблагорассудился прочистить поступательные трубы от скопившийся глины.

Полумрак вокруг уже давно стал частью жизни всего народа, сегодня был темнее обычного. Несмотря на то, что каждый дом был обязан выставить огненный факел. Хотя возможно это только казалось из-за общей суматохи. Всё это делалось в надежде вернуть в их и без того темную жизнь частичку света. Символ былой жизни, которая была потеряна много лет назад.

Воздуходух тихо жужжал всасывая тонкие струйки дыма от факела. Только во время праздника простой народ со второго слоя города Минус, могли подняться в Суним и находится там до конца всей церемонии. Суним первый слой, а это значит ближе к поверхности, ближе к свежему воздуху. Именно там жили все более состоятельные, благородные господа, включая самого Короля.

Жан вышел из штаба Терра. Могучая крепость была построена на окраине города, но при этом штаб считался главным зданием Минуса. В несколько этажей, штаб был сооружён из камня, а прямо над ним слоем выше возвышался королевский дворец. Несмотря на то, что уход был согласован и утверждён Главой Терра, Жан был уверен, что здание смотрит на него с упрёком. Уходить налегке было непривычно, чем дальше он отдалялся от Терра, тем тяжелее становился ком в области груди. Он привык просыпаться, строиться, выходить на патруль, выполнять одни и те же указания и в окончании докладывать. Делать, что у него выходило и не требовало лишнего, дарило приятное чувство спокойствия. Поэтому малейшее изменение, пусть и на день, вызывало неприязнь.

Терра не был его родным домом, но серые стены притягивали, внушали уверенность. Он знал кто он и кем стал. Он солдат Терра.

Слегка покачиваясь, Жан брёл совершенно, не обращая внимания на сослуживцев, которые так и спешили встретиться со своими родными. В единственный день в году, за кем в армии числилась семья были обязаны покинуть штаб, привести свою форму в надлежащий вид, оставить посты и посетить своих родных.

Жан, закинув руки за голову и зевая, еле перебирал ногами. Он уже сдал оружие, написал отчёт и был в полной готовности как можно скорее закончить этот день. Больше по привычке, чем для надобности посмотрел в сторону восточной стены, где располагался пункт наблюдения часового отряда вита. [1]

– Алый флаг…семь утра! Поспал на час дольше, можно считать достижением дня. – пробубнил Жан. Сам не понимая, ругает ли себя за лишний час, а может, наоборот, радуется удаче выспаться.

Часовой поправил флаг и ровной походкой, словно за ним следил Глава, двинулся дальше. Работа армии Вита напоминала цепочку действий. С одной стороны, Жану нравилось размышлять о том, как все они взаимосвязаны и как задача одних плавно перетекает в решения других. Отряды Вита, служившие в Суним охраняли проходы на поверхность и были ближе всего к выходу во внешний мир. Другие получали от них информацию о расположении солнца и передавали сведения часовым первого слоя, а после второму. В последствие выставлялись флаги, которые соответствовали времени на поверхности. Благодаря этому, весь Либертат мог продолжать жить в ритме до подземной жизни. Хотя информация на второй слой поступала чуть позднее, это никому не мешало. С иной же стороны для Жана это слишком всё сложно, по сравнению с Терра, и вдаваться в подробности совершенно не хотелось.

Алый флаг сливался на общем фоне, но для Жана он будто кричал, что до следующих семи часов утра он совершенно свободен. Возвращаться домой не хотелось. Впервые за последний год никуда не нужно было спешить. Особенно под родную крышу. Желание оттянуть момент, когда он окажется перед дверью отца, охватывало всё сильнее.

Недалеко от ворот Терра уже висели торжественные вывески: «Великая Жертва», «Освободитель либертатов», «Исправим их грех», «Да не коснется больше нас кара», а ведь еще только утро. Жану представились бодрые жители Минуса, старательно крепившие пламенные речи. Должно быть начали раньше алого флага, если не ночью.

Вид на торговую площадь возле штаба лишь в очередной раз напоминал Жану, что именно Терра в Минусе была сердцем всего нижнего слоя. А где-то выше, в Суниме, таким же сердцем королевства возвышался королевский дворец.

Каждый раз, когда Жан задумывался об этом, у него перехватывало дыхание. Однажды он перестанет быть простым солдатом Терра. Пускай эта мысль и звучала слишком самоуверенно даже в его собственной голове, Жан был уверен – впереди его ждёт великое будущее.

Когда-нибудь он встанет по правую руку Короля. Будет заниматься самой обычной работой, но получать за неё больше двадцати рон. Сумму, о которой в Минусе многие могли только мечтать. Тогда ему больше не придётся беспокоиться о завтрашнем дне. Жизнь наконец станет легче.

– С дороги!

Жан отшатнулся. Старая телега, шатаясь из стороны в сторону и прихрамывая на одно колесо промчалась, не сбавляя ход прямо перед ним.

«Едва не сбила!»

---

[1] Названия Терра, Вита и Каелы пишутся с прописной буквы, когда речь идёт о военной организации как самостоятельной структуре (Например: армия Терра, армия Вита, армия Каелы, штаб Терра и т.д.) Если же речь идёт о солдатах, подразделениях или деятельности этих армий, наименование употребляется как определение и пишится со строчной буквы (Например: солдаты терра, витевиц и т.д.)

– Именем Либертат, стой! – рявкнул Жан, потянувшись к оружию, которого при нём больше не было.

Он зло выругался и поднял взгляд на телегу. Та стремительно исчезала среди толпы и лабиринта узких улиц, плотно застроенных домами с обеих сторон.

– Рог тебе в задницу, старый хряк!

Пар клубился между каменными и глиняными домами так густо, будто исходил от самих стен. Вокруг царила праздничная суета, но Жан не разделял общего воодушевления. Люди перекрикивались, спорили, кто-то норовил устроить драку. Все куда-то спешили. Мужчины толпились у загонов, придирчиво выбирая ягнят. Каждому хотелось принести самую достойную жертву.

– Купи лучшего, да удача прибудет с тобой! Да снимется грех с женщины твоей! Да улыбнется она своей чистой улыбкой! Да не постигнет кара тебя! – кричал во всё горло, один из торгашей ягнятами, размахивая в разные стороны своим плащом. Молодняк получился хороший и теперь ему хотелось выбить самую высокую цену.

– Слух ходит! – продолжал торгаш. Вокруг собралось немало народу, от чего на лице мужчины расцвела широкая улыбка. Он растрепал свои маслянистые волосы и поправил короткую бородку.

Жан тоже остановился и стал вслушиваться. Ещё одна страшилка, чтобы люди не жалея либ, платили за ягнят. Подобный слух возникал каждый год и каждый раз новый.

– Лет двадцать назад! – торгаш сделал драматическую паузу и заговорил, понизив хриплый голос. – Местный кузнец поскупился как-то на ягнёнка в жертву. Купил больного да хромого. Так после стали его неудачи преследовать, а потом весь грех на него и его семью возлёг. Кузница сгорела, женщину в его семье убили неизвестные и невиданные никем ранее бродяги. Трое сыновей… Каелы…

Последнее слово мужчина плюнул и продолжил:

– Да, каелы! Погибли во время очередного взрыва трубы воздуходуха.

Торгаш затих и указал на своих ягнят, показывая какие они у него крепкие и здоровенькие. Один из ягнят в такт движениям мужчины замотал головой, будто соглашаясь со словами хозяина.

Теперь торгаш повысил голос, чтобы его услышали даже за пределами круга собравшихся:

– Видимо из-за сильного давления труба не выдержала! Такие мы слышали объяснения. Однако все мы прекрасно понимаем, что всё это лишь отговорки. – последнюю фразу он произнёс уже своим хриплым голосом.

– Все внутренности со стен два дня оттирали, а сам кузнец в итоге лишился всего – имущества, жены, сыновей и рассудка. В долги большие влез, а там и сам исчез… Куда и как… Никто до сих пор не знает. – не унимался торгаш и продолжал свой страшный рассказ.

Жан понимал, что теперь все хоть в драку готовы, лишь бы лучший ягнёнок у них был, а потому поспешил покинуть место будущей толкучки. Сегодня такой день, что его без оружия на бедре и слушать не станут.

Новый возглас привлёк внимание Жана. Он оглянулся и увидел мужчину, кричащего на пса. Тот бегал, где не надо и только под ногами путался. В это же время двое других мужчин тянули каждый в свою сторону млеющее от боли маленькое животное. Жан невольно вздохнул от облегчения.

«Слава Небесам, мне в ближайшее время такое не грозит! Тратить нервы, время и либы, Небеса упаси! Один ягнёнок целых десять либ! Цены заломили так, что бедное животное должно один своим видом избавлять от всех грехов. Зачем обременять себя тем, что в даль-

нейшим, доставит только больше хлопот? О чём только думают эти мужчины… Ох уж, женщины…»

Девушка быстрыми, но уж слишком маленькими шагами, следовала за своим мужчиной, в руках она несла крупного чёрного ягнёнка. Ноша была для неё нелегкой. Девушка явно не поспевала, длинное платье путалось под ногами, но мужчина и не думал замедлить ход.

– Ну же быстрее! – кричал тот едва оборачиваясь на девушку.

Женщины и девушки впервые за год выходили из своих умбракул. Покидали пределы родного двора, ходили по городу и распускали волосы. Они улыбались. Однако вспоминая собственную мать он знал, что после полуночи эта улыбка спадёт с их губ, а завтра всё снова станет как обычно. Для Жана, тоже всё придет в знакомое русло. Он вернётся на службу и займётся уже привычными делами солдата армии Терра.

Терра всегда считалась одной из самых лучших армий и попасть сюда было не так-то просто. Для этого Жану пришлось трудиться целых три года. Его никогда не интересовали ни Каелы, ни Вита. **Особенно Вита.** Слишком самоубийственно проходила каждая их миссия. Солдаты всегда возвращались полу дохлыми калеками, если не мёртвыми. Везение – это если труп, удосужатся прихватить с собой во время очередного бегства, которое Вита называют отступлением.

Солдаты Вита выходят на поверхность, где основная их цель – добыча сырья, которое используют для работы воздуходуха. Вот только если раньше сырья было достаточно и на близлежащей территории, то теперь его не найти и далеко вперёд. Хотя, судя по тому сколько солдат каждый раз не возвращается, сырьё должно валяться чуть ли не на каждом шагу. Никому толком неизвестно откуда взялись роганы. Все знают лишь единую историю про отверженную королеву и её грех. Только неважно грех это или проклятье, а может просто судьба сыграла злую шутку – в итоге ни одна экспедиция Вита никаких особых результатов не принесла. Каждый раз лишь новые жертвы, которые никому не нужны. Сырья с трудом хватает, если судить по воздуху. По крайней мере на втором слое. А как избавиться от везде сущих монстров, так и не выяснилось, хоть одна экспедиция, хоть тысячи.

Не нужны Жану и Каелы. Слишком сложно. Нужно следить за подачей воздуха в каждый слой, настраивать воздуходух, чистить трубы, фиксировать и нормализовать давление подачи воздуха, и другие факторы в назначение которых Жан даже не хотел вдаваться.

На учениях никогда толком не рассказывали про работу воздуходуха. Да это и не входило в часть обучения. Разглашение о более подробной работе штаба считалась преступлением и строго каралась. Зачастую если в городе происходили смерти из-за болезней винили именно армию Каелов.

«Опять каелы бездельничают! Воздух гнилой, вот и помер раньше времени!» – так говорили.

Н-е-е-е-т Терра для Жана идеальна. Если основная черта Каелов – интеллект, Виты – ловкость, то для Терры – сила. Хоть внешне по Жану этого не скажешь, физической формой он был не обделён. Работёнка у него не пыльная, а платят гораздо больше по сравнению с другими отрядами, а именно к такой жизни он и стремился.

В Минусе от солдата терра требовалось появляться вовремя на построение и патрулирование города. Это значит все видят тебя в форме, что для Жана было весьма лестно. Как ему казалось его русые волосы и серые глаза отлично сочетаются с чёрной формой Терра. Белый ремень в цвет сапогам до самых колен держал чёрные штаны. Однобортная чёрная куртка, удлиненная сзади, была украшена белыми шнурами от застёжек пуговиц к правому плечу. Воротник стойкой у куртки был не высоким, благодаря чему выглядывала белая рубашка, а

на поясе неизменно красовался до блеска начищенный клинок. Сейчас Жан не мог ощущать привычный вес на бедре и от этого ему было не по себе.

За ним была зарегистрирована семья, а потому на сегодня он в первую очередь сын своего отца. Родное оружие, выданное Террой, будет храниться до конца празднования в штабе и получить его обратно получится только после возвращения на службу.

– Эй, Старик! – раздался крик позади Жана. Голос был игривый и звонкий. Прохожие обернулись, но также быстро потеряли интерес. Видимо поняли, что ничего интересного их не ждёт.

Копна рыжих волос, служила маяком, а «Старик» своего рода кличем, что выдавало одного единственного человека.

– Йен, рад тебя видеть. И вовсе я не старик. Всего на год старше тебя. – сказал Жан, рассматривая приятеля.

Когда Жан представлял их встречу, всегда думал, что почувствует раздражение или неловкость, но на удивление пришло странное облегчение. Всё те же рыжие взлохмаченные волосы, те же горящие карие глаза и всё та же шутка, которая начиналась и заканчивалась одинаково.

Жан невольно вспомнил их знакомство. Уже тогда Йен подбежал к нему, с глазами полными огня и самыми простыми словами: «Приветствую, меня Йен звать! Определён в тринадцатый кадетский отряд, а ты кто будешь?». Этот рыжик, в первый день, смог найти общий язык с большинством кадетов. Его настроение и целеустремлённость тянули всех за собой. А заразительный смех, раздражал Жана с первой секунды. Тогда Йен показался той ещё занозой. Жан ему даже не ответил, старался избегать, но всё изменилось в момент «камня», так они решили его называть.

Спустя время Жан понял, что Йен в силе ему ничуть не уступал. Откуда у него столько энергии? Сколько он помнил, тот всегда был таким. Вечно не сидится на месте. И сдались ему каелы? Где порой нужно неотрывно несколько часов, а то и дней следить за воздуходухом.

Для него Йен остался тем же кадетом. Видеть его спустя год его в тёмно - синей форме каелов было очень непривычно. Внешний вид формы каждой армии отличался лишь цветом, но Жан инстинктивно стал сравнивать себя со старым другом. Так ли у него выпирает сбоку рубашка? Ремень ровно сидит? Форма лучше смотрится сейчас на нём или Йене?

– Столько времени прошло с церемонии выпуска, даже ни сразу узнал тебя! Потом смотрю… – рыжий сощурил глаза, – Ну нет, точно Жан! Ты домой или зайдём куда? Расскажешь, что в городе происходит, а то мне практически ничего неизвестно. Наш штаб слишком высоко, чтобы спускаться без нужды! - на одном дыхании выпалил Йен.

– Почему бы и нет. Я бы не отказался где-нибудь посидеть. – почесывая затылок сказал Жан. Ему хотелось поговорить с Йеном и наконец всё выяснить.

Штаб Каелов был выше Терра и Вита. Вита находился на самой окраине поближе ко входам. Каелы на одном из самых высоких подземных возвышений к поверхности, на пересечении перехода из одного города в другой.

Парни не говорили куда пойдут, но ноги сами понесли их в нужном направлении. На соседней улице находилась одна из недорогих, но при этом не самая плохая таверна «Чёрная Королева». Когда-то они вместе с Йеном тайком, посреди ночи, сбегали из отряда кадетов и приходили именно сюда.

Только в этой таверне можно было встретить самых бывалых солдат из совершенно любого отряда. Будь то витевиц, рассказывающий страшные истории, происходившие на поверхности во время экспедиций. Терревиц рассказывал о совершённом преступлении за что был награжден самим Королем. Каелы заходили редко. Жан и Йен за все три года обучения и тайных посещений видели его всего раз. То был солдат в увольнении. В стельку пьяный, еле сплетая предложения между собой, рассказывал про взрывы в штабе, о смертях от недостатка

воздуха. О том, что все мы всё равно умрём, что мы будто черви скрываемся под землей, лишь бы продолжать прятать наши задницы в тёплом уголке.

Возможно, именно та история и привлекла Йена в каелы, подумал Жан, посматривая косым взглядом на Йена. Они об этом так и не поговорили.

Тогда им каждая история казалась невероятным приключением. Вдвоём они впитывали каждое услышанное слово и пытались представить, что однажды придут сюда сами будучи солдатами и уже они будут рассказывать истории. В то время как какие-нибудь мальчишки вроде них будут тихонько сидеть в сторонке и слушать. Пытаясь уловить обрывки ужасающей истории.

Парни свернули в очередной пролёт улиц. До таверны оставалось всего ничего. Однако шли они на удивление тихо, чем Жан привык. Когда им приходилось вместе выходить на патрули во времена учений, Йена порой было тяжело заткнуть, а тут перебрасывается двумя - тремя фразами и молчит, а на лицо пунцовый весь.

«Может заболел? Может не выспался? Кто знает сколько он до этого дня не спал.» Пытался докопаться до сути Жан.

Добравшись до заветного места, парни, не сговариваясь переглянусь. У Йена на лице расцвела лукавая улыбка и губы Жана невольно растянулись в ответ. Жан перевёл взгляд на вывеску заведения «Чёрная Королева», сбоку кусок слова приколачивали несколько раз. Впервые они войдут сюда через главный вход, а не пробираясь сквозь отваленную дощечку с другой стороны. Жану показалось, что он до сих пор чувствует запах сырого сена, в котором они прятались, чтобы их не заметили.

– Прошу! – Йен вытянул руку, приглашая друга пройти. Жан нахмурился, но в ответ изобразил реверанс. Парни рассмеялись, ещё одна шутка понятная только им. Никто толком не обращал на них внимания, лишь мужчина на противоположной улице зацокал языком и зашептался о чём-то с ягнёнком.

Жан и Йен вошли в таверну вместе, как и мечтали. Изначально они планировали прийти сюда сразу после выпуска, но свободные часы были отменены и их сразу распределили по отрядам.

Каждый солдат, которому посчастливилось попасть в двенадцать лучших получал возможность самостоятельно выбирать в какой армии служить. Поэтому, как только список лучших выпускников был вывешен на доску почёта Жан ринулся искать себя. И нашел. Его имя красовалось на девятом месте лучших – Жан Смитт.

В этот же день он заполнил все необходимые бумаги и отдал руководителю для распределений. Только вот Йена он так и не встретил, либо тот его избегал, либо судьба распорядилась так, что им не удалось пересечься. Жан плохо помнил, что происходило в тот день, кроме как бесконечной стопки бумаг и бланков, которые хотелось закончить, как можно быстрее. Наконец на выпускной церемонии он получил заветную приставку к имени «Те», он больше не просто Жан Смитт, теперь он член элитного отряда Терра - Жан Те Смитт. Каждому вступившему в армию солдату, будь то Терра, Каелы или Вита, должна быть присвоена приставка, говорившая о принадлежности к той или иной армии.

Жан ожидал увидеть знакомые рыжие волосы в числе сослуживцев Терра. Однако Йен, гордо шагающий в армию Каелов застал его врасплох. Барлоу на него даже не посмотрел, а Жан сжав кулаки решил не спрашивать. Только и пронеслось: «Вот дурень!»

Они никогда не обсуждали, кто из них куда должен вступить. Вот только Жан, всегда считал, что они просто обязаны служить в Терра.

Внутри таверна полностью совпадала с воспоминаниями, даже запах не изменился. Ароматы эля, сырости и сена, которое служило подстилкой для изрядно выпивших посетителей. Все столы были старые и изрядно потрёпанные, но чувствовалось, что они прослужат ещё ни

один год. Практически все места были пустыми, лишь на одном в самом углу лежал мужчина в глубоком сне. Сразу понятно вчера перебрал, вот и уснул. Возможно мужчина, что торчал лицом в сене, а задницей кверху – его дружок.

Парни выбрали стол в противоположной стороне от этих двоих. Спереди стола стоял небольшой шкаф, где обычно можно было найти всё: начиная от кружек, заканчивая странными фигурками драконов, собак, ягнят, орков и прочих тварей. Главное было, что этот самый шкаф служил некой ширмой, отгораживающей посетителей от остального зала, и именно здесь всегда звучали самые жуткие истории.

Они были одни из первых в таверне оттого даже не пришлось поднимать рук, чтобы сделать заказ. Полусонный мальчишка сам подбежал, попутно протирая глаза.

– Чего изволите? – пролепетал он, сдерживая зевок.

– Эля, конечно же! – чересчур возбужденно сказал Йен.

Мальчишка кивнул, не прошло и двух минут перед ними стояли две большие кружки эля.

Парни дали мальчишке по две каменной монете – либы. После переселения под землю, золотые, серебряные и медные вышли из употребления и на их место пришли камень и железо – либы и роны.

Йен схватил кружку и поднял ее прямо над головой:

– За двух юнцов, что наконец-то исполнили мечту!

– Лучше не скажешь. – подхватил Жан и ударил кружку об его.

Одним движением они одновременно прильнули к содержимому. Вкус, который они мечтали попробовать так давно. Сколько раз они представляли этот момент. Конечно, им уже довелось испробовать эль и даже кое-что покрепче, но по их представлению само это место должно было придавать невероятный вкус столь простому напитку.

Теперь же приняв глоток столько желанного эля Жан с трудом держался, чтобы не выплюнуть всё прямо здесь и сейчас.

– На вкус, как запах нашего капитана во время учений, такая же помойка! – проговорил возмущенный Жан с грохотом ставя кружку на место.

– Мне он тоже представлялся лучше. – ухмылка заиграла на лице Йена.

Затем прищурив глаза наклонился вперёд прямо к лицу Жана и прошептал, всё с той же сияющей улыбкой:

– Ну что? Есть для меня страшная история?

– Если драку пьяниц за бочку с гнилыми помидорами можно считать страшной историей, то у меня таких полно.

Йен рассмеялся.

Легкий и притягательный смех заворожил Жана, но вопрос, не давал покоя и закружил в голове с новой силой.

– Может лучше обсудим твоё поступление? – решился спросить Жан.

– Поступление?

– Ты попал в число лучших и всё же пошёл в Каелы?

– У меня было одиннадцатое место.

– И что, в любом случае у тебя был выбор? Ты мог пойти в отряд и… получше. – возразил Жан.

– Например в Терра?

– А почему нет?! Работы зачастую кот наплакал, а жалование приличное. Дослужись до королевской охраны и живи в удовольствие.

– Ох, Жан… Всё ведь не настолько просто. – прошептал Йен.

Жан замялся, не нравилось ему, когда рыжий на него так смотрел, будто жалея его. Что за чушь? Он сглупил, а смотрит так будто это Жан совершил самую большую ошибку в своей жизни.

И вот опять пунцовый весь.

– Я ведь и правда в Терра хотел. – начал Йен и посмотрел прямо в глаза Жана.

– Я заполнил бумаги... Только вот не донёс… Разорвал прямо по дороге.

Проваливаясь в воспоминания, проговорил Йен и почесал затылок. В глазах мелькнули огоньки, будто маленькая вспышка и замявшись ненадолго он продолжил:

– Когда я шёл к руководителю, то понял, что пользы от меня там не будет. – Йен пожал плечом, – Ещё понял, что никогда бы себе не простил, зная, что от меня может быть толк, а я его не приношу. Просто, потому что нахожусь не там, где нужно!

– По-твоему Терра пользы не приносит?

– Речь не об этом и говорю я лишь про себя. Я понимаю тебя и то, к чему ты стремишься. Понимаю, что может дать Терра, но я сам не терровиц.

– Как по мне ты просто накрутил сам себя, вот и всё. – выдохнул с раздражением Жан.

Йен поджал губы, размышляя стоит ли говорить, но всё же решился:

– Мой младший брат долго болел как раз из-за недобросовестной подачи воздуха. Всё это время, я только и думал, как бы наказать тех, кто не выполняет работу должным образом. Потом подумал, зачем мне кого-то наказывать, если в моих силах исправить всё самому. Я сам могу помочь и брату, и людям.

– Извини, конечно, мне жаль твоего брата, но твои фразочки уж слишком отдают пафосом.

– На самом деле у меня уже есть своего рода план. Я предоставлял капитану начальный этап и знаешь, что он думает… Что это может сработать.

Йен остановился перевести дыхание и придвинувшись ещё ближе прошептал:

– Хочешь скажу по секрету?

– Ну, валяй. – растерянно проговорил Жан.

– Как примерно работает воздуходух нам объясняли на учениях. Мы, конечно, знали, что информация неполная, но как оказалось она упрощена даже слишком сильно. На самом деле поступательные трубы, проведенные с поверхности через Суним до механизма распространения воздуха к трубам с подачей работает по принципу поглощения воздуха с поверхности, преобразования и распространения по городу с трёх сторон. В то время как поглощаемый воздух с обоих городов проходит очищение с помощью подземных водных истоков.

– Тебе разве можно мне всё такое рассказывать? – обернувшись по сторонам спросил Жан. К счастью, тех, кто мог их подслушать не было.

– А кто сказал, что я рассказываю всё! – прошептал Йен. – Так вот о чём я. Сам возудуходух работает хорошо, но из-за перегрузок могут происходить незапланированные взрывы. Мне пришлось много провозиться, чтобы изучить процесс работы, а также как чистка труб, влияет на общую картину. А это поверь, нюанс, который нельзя упускать. Так вот на их чистку уходит слишком много времени, а сама работа трудная и муторная. Поэтому многие к ней относятся спустя рукава или не делают, даже не думая, насколько это важно. Только вот именно сильные загрязнения приводят к тем самым перегрузкам. Для устранения этой проблемы я начал разработку вещества, которое поможет очищать трубы значительно быстрее и без колоссальных усилий.

Йен говорил яростно, но полушепотом. Наконец остановившись, перевел дыхание, потрепал свои рыжие волосы и продолжил:

– Важно облегчить работу воздуходуха добавив дополнительные трубы. Сверху, через первый слой к нам, без использования дополнительной механики. Воздуха по одиночке они давали бы мало, но в сумме и в работе с воздуходухом в кое-то веки должно быть достаточно. Численность смертей снизится к минимальной, да и окружающая среда станет терпимей. – закончил Йен.

– Дополнительные трубы? Сверху напрямую? Да ещё и через Суним?

– Примерно так!

– Король этого не одобрит, я тебе как терравиц говорю. А богачи, так тем более! – строго сказал Жан.

– Но, возможно, когда я полностью закончу, передумают! Они ведь используют прямые трубы с поверхности. Почему бы и нам не провести просто немного длиннее и строение чуть по – иному. У меня и наработки уже имеются, нужно лишь проверить пару моментов. – весело заключил Йен. – И ещё кое-что…

Начал Йен, но потом передумал и перевёл разговор в совершенно другое русло. Да и к теме этой они больше не возвращались. Беседа стала лёгкой и весёлой. Словно они до сих пор находились на обучении. Вспомнились и былые времена, и тренировки, дежурства, небольшие шалости в которые Йену удалось их втянуть.

Воспоминания перетекли в шутки и напряжения не осталось вовсе.

Вскоре таверна начала наполняться людьми, а беседа перерастать в перекрикивание общего шума мужчин, обсуждающих всё для проведения очищения греха. Запах эля и сена смешался с потом, грязью и жаренным мясом. Духота заполнила всё пространство и как бы не хотелось сидеть так ещё, обстановка стала не самой приятной для разговоров.

Парни встали и пошли к выходу. Махнули мальчишке, который старался удержать несколько кружек и жаренное мясо крота. Несмотря на трудности тот ухитрился кивнуть головой в ответ и поспешил к мужчине за центральным столиком.

На улице суета была ещё больше прежнего. Пыль стояла поверх проходящих мимо мужчин и бегущих следом женщин. Вывешивались новые плакаты. Жалобно покрикивали ягнята.

Несмотря на всё, дышать было легче, чем в таверне, набитой народом. Жан взглянул на замершего Йена, который что-то высматривал. Ему тут же стало понятно, что смотрит тот не на приготовления, а на повисшую вокруг пыль. Рыжий мотнул головой и словно пришёл в себя.

Жан двинулся вперёд, будто решили куда пойдут. Только вот Йен не сдвинулся с места. Встал, как вкопанный, весь красный. Рыжие волосы начали сливаться с его румяным лицом.

Жан посмотрел на него подняв бровь.

– Хотел сказать тебе об этом первому, как только увидел тебя! – начал Йен.

Переминаясь с ноги на ногу, он сделал глубокий вздох и выпалил новым порывом:

– Я…решил! Знаешь, мне кажется я готов завести женщину.

– Чего? – недоумевающе уставился Жан.

Йену шестнадцать. Он всегда говорил, что заводить женщину это не для него. Он хочет, чтобы это произошло неожиданно и что он обязательно это почувствует.

Жан не знал кажется ли ему это правильным или наоборот глупым. Для него завести женщину не стояло на первом месте, а общие потребности можно было утолить либо самостоятельно, либо на крайней случай в Теплице. От мыслей про Теплицу у Жана пробежала волна отвращения.

Женщины требовали слишком много времени. Солдата почти целой год не бывает дома, а ей нужно будет обустраивать умбракулу, привозить еду, следить за ней, говорить, что делать и ещё многие другие вещи, о которых Жан скорее всего ещё не знает. Женщинам запрещено покидать пределы умбракул, если нет рядом мужа, или нет разрешения мужчины, чтобы находиться на территории двора.

Каждый год в день праздника выбирать и покупать ягнёнка для жертвы. Проводить церемонию снятия греха. А если появятся дети? Ладно если мальчик, но если девочка… На девчонок, конечно, нужно меньше сил тратить, но как потом парням из отряда в глаза смотреть.

Когда дочери исполнится пять лет, её необходимо будет определить в район Феминем, где её научат правильно быть женщиной. **Правилам**. Пока однажды какой-нибудь парень типа Йена не захочет её завести. Для Жана это слишком сложно и муторно, а ему лишние заморочки совершенно не к чему.

– Мой отец болен. Ему нужен уход. Он не справляется с домашними делами и вообще если будет мальчик мне прибавят к жалованию. Мои братья помогают, но ещё есть заботы с лавкой. Так что ещё один помощник нам просто необходим. По закону в семье может быть лишь три женщины, моя будет как раз третья.

Йен говорил, попутно рассматривая улицу, которая была уже полностью украшена к празднику, а на каждом доме ярко светил факел. Было светло. Жан на секунду задумался, а как выглядит дневной свет? Наверное, парни из Вита видели, а может нет.

Армии Вита из-за последствий дневных экспедиций было приказано выходить на поверхность лишь ночью, в целях сокращения числа смертей от роганов. Жан в жизни не видел ни света солнца, ни этих самых Роганов.

В истории говорится, что они ужасные и беспощадные существа, пожирающие людей, а если не пожирающие, то способные нанести непоправимые увечья.

– Я уже подал капитану заявление на отгул. Так что через пару дней отправляюсь в район Феминем, думаю мне нужна покрепче для работы с лавкой, только вот знаешь… – его речь перебили ругательства из соседнего угла. Стоило завернуть, как причина была уже в поле зрения.

Трое парней из отряда Терра пинали, били и кидали бесчисленное количества ругательств в худощавого парня в тёмно-зеленой форме. Цвет отряда Вита.

Жан знал этих троих, одни из лучших и те ещё сволочи. Видно, не знали обо что руки почесать, а тут паренёк может плечом задел, или глянул не так, вот и цель.

– Ну, что гаденыш, теперь ты ослеп? Теперь ты не видишь, дерьма ты кусок! Как ты вообще в солдаты попал, недомерок! Хотя таких убожеств только и скармливать, что роганам! - кричал самый высокий парень с густыми бровями продолжая неотрывно пинать съежившегося паренька. Тот даже не пытался им как-то сопротивляться. Лежал, прижимая руки к голове.

– Так его Джей! - подхватил второй и пнул ногой по голове. На вид светловолосый с голубыми глазами, казалось ему совершенно не подходит вести себя таким образом. Только его довольное лицо показывало какое удовольствие ему всё это приносит.

Третий кружил вокруг них улюлюкая и поддакивания каждому действию дружков.

Жан перевёл взгляд на Йена тот неотрывно смотрел на происходящее и тихо спросил:

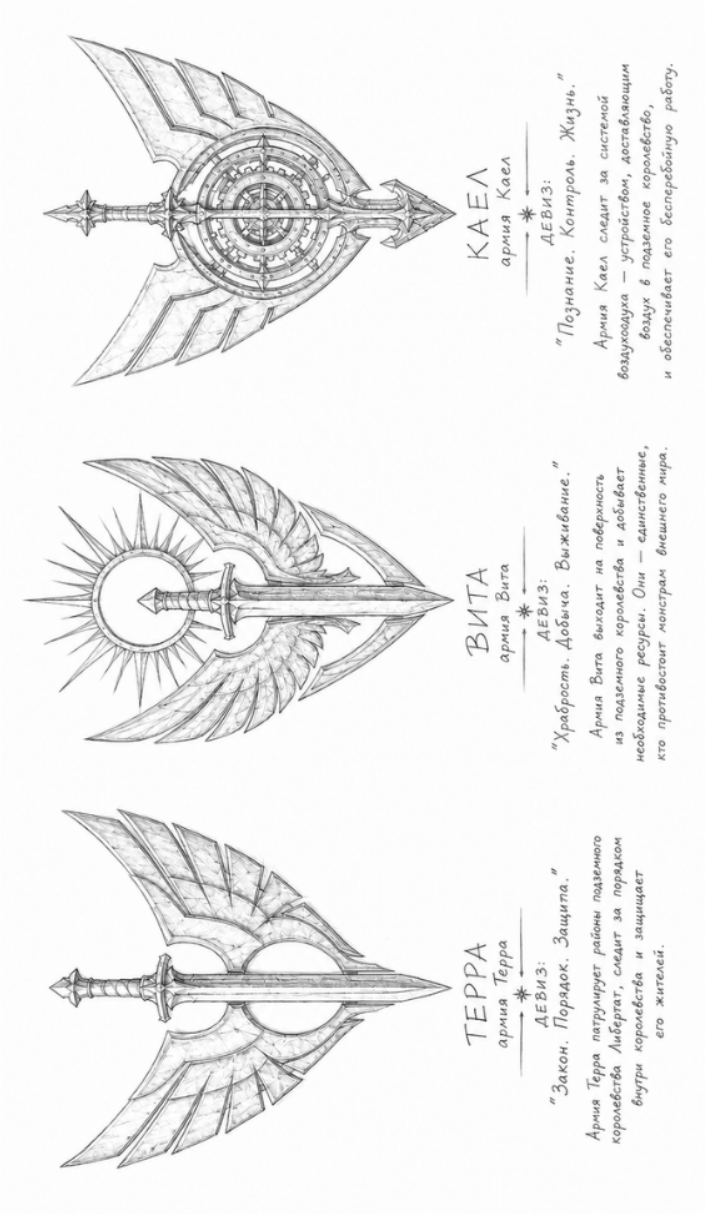
– Вмешаемся?

Жан быстро посмотрел на друга потом на парнишку, который начал уже хрипеть под каждым ударом. Что-то знакомое. Жан видел его раньше.

– Нет, не наше дело. – проговорил Жан и пошёл вперёд. – Сам пусть разбирается…

Но его уже никто не слушал. Йен, что есть мочи рванул к троим. Те его даже не заметили, пока он не подошёл к ним вплотную.

– Идиот! – прошипел Жан и последовал за Йеном, как и когда-то следовал на учениях.

КАЕЛ
армия Кael
ДЕВИЗ:
"Познание. Контроль. Жизнь."
Армия Кael следит за системой воздухообдуха — устройством, доставляющим воздух в подземное королевство, и обеспечивает его бесперебойную работу.
ВИТА
армия Вита
ДЕВИЗ:
"Храбрость. Добыча. Выживание."
Армия Вита выходит на поверхность из подземного королевства и добывает необходимые ресурсы. Они — единственные, кто противостоит монстрам внешнего мира.
ТЕРРА
армия Терра
ДЕВИЗ:
"Закон. Порядок. Защита."
Армия Терра патрулирует районы подземного королевства Либертат, следит за порядком внутри королевства и защищает его жителей.

Глава 2

– Тринадцатый отряд, живо построиться!

За общежитием послышался громкий топот двадцати четырех парней. Возле центрального факела проводились собрания и каждый вечер после тренировки толпа будущих солдат строилась в четыре ряда. Каждый был готов втянуть весь воздух, невзирая на запахи, которыми были пропитаны разгорячённые юноши.

Жан с первого дня занял второе место в третьем ряду. На ряд вперёд у самого края стоял Йен. Руки убраны назад. Одна рука держала противоположный локоть другой. Грудь слегка выставлена вперёд. Губы крепко сжаты, чтобы случайно не задышать ртом. Если капитан заметит, что кто-то не выдержал, то всему отряду придётся отдуваться.

Капитан Клиф, бывший Те Клиф, в связи с сильной травмой колена, был переведён в капитаны по обучению кадетов. Звания Терра он, естественно, лишился.

Капитан расхаживал, слегка похрамывая из одного конца построения в другое внимательно разглядывая кадетов. Он всегда слегка прищуривал взгляд, будто искал подвох. После чего встал напротив всего отряда. Все кадеты разом опустили руки по швам и поклонились. Потом тут же вернули руки на исходное место и громко произнесли:

– Тринадцатый отряд на построение готов!

– Что же, сегодня неплохо! Завтра будет труднее. – капитан Клиф о чём-то задумался и усмехнулся, – После утренней тренировки, вас ждут: тросы, полоса препятствий, переноска каменных блоков, отбивание молотом, отработка падений и тренировочный бой.

Капитан Клиф был человеком старой закалки. Он считал, что настоящего солдата рождают не новые методики, а дисциплина, тяжёлый труд и испытания, через которые когда-то прошёл сам. Другие капитаны давно изменили подход к обучению, но Клиф оставался верен своим принципам.

– Пот на тренировках экономит кровь на поле боя, – капитан обвёл взглядом весь отряд, – Если кадет способен подняться с койки самостоятельно, значит, тренировка была слишком лёгкой.

Жан сглотнул. Сегодня он справлялся с трудом, а завтра… Он перевёл взгляд на рыжего. Ему не нужно было вертеть головой, чтобы увидеть Йена. Уголки губ парня были приподняты, хотя грудь то и дело вздымалась не меньше, чем у Жана.

«Как же достала его беззаботность, будто не в солдаты пришёл, а на ярмарку!» размышлял Жан, сильнее сжимая за спиной локти.

– Теперь отправляйтесь в столовую. Дежурные на пост! – скомандовал капитан, складывая руки за спину на тот же манер, что и кадеты. После спокойно поковылял в свой капитанский домик.

Дежурные никогда не шли на приём пищи, а отправлялись сразу на участок. Капитан установил такие правила с фразой: «Когда вам придётся стоять на посту в разведке, вам и за несколько дней крошки в рот не перепадёт!».

Никто никогда не знал, кому на этот раз выпадет дежурство. Если в остальных отрядах очередность определялась заранее, то в тринадцатом всё решал счастливый случай. Перед каждым дежурством вывешивали новый список, разделённый на две колонки. На службу заступали кадеты, чьи имена оказывались первыми и последними в каждой из них.

Поэтому все двадцать четыре человека направились к доске перед общежитием. Те, кто подошёл первыми, быстро разошлись, уступая место остальным. Жан тоже протиснулся вперёд и нашёл своё имя. Первое в колонке.

– Я! – сказал Жан выдыхая, в животе заурчало.

Кто-то из кадетов похлопал его по плечу и пошёл в столовую.

– Значит мы сегодня напарники.

Юноша услышал знакомый голос и обернулся. Перед ним стоял Йен. Ему не верилось. Жан быстро взглянул в конец второго списка – сомнений не осталось.

«Угораздило же!» только и подумал Жан, в ответ же сказал:

– Ага.

Сегодня им достался восьмой участок. Жан терпеть не мог это место. Оно располагалось у входа в подземную пещеру, где начинался один из водных потоков. Самый тихий участок. Даже Жану, обычно не жаловавшемуся на службу, дежурство здесь казалось невыносимо скучным.

Участок делился на три поста. Первые два находились по разные стороны от входа в пещеру, и на каждом стоял один дежурный. Третий располагался уже внутри. До него кадеты добирались вместе и патрулировали тоннель почти до середины подземного истока.

Ближе к трём часам ночи они сменяли друг друга на постах. Пока один занимал следующую точку, второй отправлялся к капитану с докладом.

Настоящих врагов за которыми следовало наблюдать не было, а потому доклад всегда звучал одинаково.

Вот и сейчас Жан, поклонившись капитану, который, казалось, вообще никогда не спал, отчеканил:

– Капитан, кадет Жан Смитт прибыл с докладом по первому посту!

– Докладывай.

– Никаких изменений, сэр. На участке всё спокойно.

– Приступить ко второй точке!

– Есть приступить!

Поклонившись, Жан развернулся и быстрым шагом направился обратно.

Невольно Жан вспомнил, как только учился докладывать. Тогда капитан требовал замечать каждую мелочь – вплоть до камешка возле общежития. Стоило ошибиться или что-то упустить, и его ждали тридцать кругов вокруг корпуса. Со временем Жан выучил участок так хорошо, что капитан перестал устраивать подобные проверки.

Возвращаясь к своему посту, Жан заметил Йена. Тот резко развернулся перед входом в пещеру и направился патрулировать уже обе части участка. Пока один кадет уходил с докладом, второй оставался следить сразу за двумя постами.

И снова эта улыбка.

«Да сколько можно...»

– Доклад по первой половине участка завершён. Прошу доложить капитану обстановку на вашей дистанции, – как можно чётче проговорил Жан.

– Есть, доложить! – бодро ответил Йен, театрально выпятив грудь и ещё сильнее сведя руки за спиной.

«Для него всё это игра? Или его так забавляет дежурить именно со мной?» – подумал Жан, провожая рыжего взглядом.

Через некоторое время кадеты вновь встретились у входа в пещеру, обменялись короткими поклонами и вместе направились к третьему посту, расположенному внутри.

До входа внутрь парни молчали, но стоило им войти, как за спиной Жана послышался смачный зевок. Он обернулся. Йен шёл следом с закрытыми глазами, лениво улыбаясь, будто дорогу ему подсказывало одно лишь чутьё. Несколько факелов, установленных на протяжении пещеры едва освещали расслабленное лицо кадета.

Жан резко остановился и Йен врезался ему в спину.

– Ты чего? – распахнув глаза спросил Йен.

– Спишь на ходу. Проблемы заработать хочешь? – пробурчал Жан.

«Он совсем с ума сошёл? Да, капитан нас сейчас не видит... Но кто сказал, что он не появится через минуту?

– Безответственные огрызки общества! Ничего не способные куски мусора! Не видать вам места в числе лучших! – будет орать он.

Двое суток без еды. Двойная нагрузка. И нужно мне это? Нет конечно! Йен может и сможет выкрутиться, но точно не я. Не хочу! Не хочу проблем!»

– Да ладно тебе, расслабься старик! Здесь никто нас не увидит. Капитан из окна не подглядит. Мы с ребятами тысячу раз так делали, можно отдохнуть. – Йен говорил так, будто приходилось объяснять элементарные вещи.

– Я тебе не старик.

– Старик. Старик! – Йен принялся загибать пальцы. – Вечно бурчишь. Всё время недоволен. Старше меня на целый год. Ну вылитый дед!

Пропел последнее рыжий с горящими глазами.

– А ты хоть раз попробуй вести себя как солдат. И перестань лыбиться. Ещё немного и лицо треснет, – повышая голос сказал Жан.

– Эээ, я же пошутил! – жалостливо проговорил Йен и поднял руки. Рыжий всем своим видом выражал искреннее сожаление, на что Жан тряхнул головой и двинулся вперёд.

Парни ускорили шаг и не заметили, как добрались до водного истока, который стремительно уходил вниз. Такие подземные истоки служили источником воды в любой нужде. По всему подземному королевству их было около двадцати. Некоторые существовали сами по себе, иные были вырыты вручную. Одни служили для употребления людьми, другие для воздуходуха и животных.

– Сегодня была непростая тренировка. Смотри как рука болтается! – Йен снова заговорил и поднял согнутую в локте руку. Показывая, как та раскачивается влево и вправо. – Да ещё и без ужина остались, зато нам не придется мыть тарелки. Ненавижу мыть тарелки! Мне кажется, если каелы смогли собрать воздуходух, можно было бы что-то придумать и для мытья тарелок. Хотя если бы это услышал капитан он бы сказал, что-то вроде: «В моём отряде ты не лучше женщин и животных, а значит бери тарелку в руки! Пока не заставил отмывать языком!»

Последнюю фразу Йен договорил, старательно изображая голос капитана и размахивая указательным пальцем.

Жан молчал в надежде, что если его игнорировать, то тот замолчит сам по себе.

– Да-а-а, мыть тарелки определённо пытка! Зато еда другое дело! Как же кушать хочется! Многие говорят, что я могу съесть всё что угодно и мне понравится. Но ЗДЕСЬ вкус превосходит все ожидания. Как можно готовить ТАК БЕЗВКУСНО! - продолжал негодовать рыжий, а Жан нахмурился сильнее.

– Моё любимое блюдо – тушёная картошка с мясом. Мы всегда готовим это блюдо на Церемонию. Мой старший брат говорит, что если постоянно готовить его, то Церемония перестанет быть торжественной. Мне же кажется, что так это блюдо, наоборот, обретает особую ценность. Ещё мне нравится овощной суп, но лучше, конечно, когда есть кусочки мяса, но я не дурак понимаю, что сейчас с этим тяжеловато. Зато отец говорит, что сейчас дела с лавкой пойдут в гору и уж тогда-а-а… Кстати ещё я бы съел…

Раздался жуткий гнусавый звук, который гулким эхом разлетелся по всей пещере. Повисла тишина. Только через минуту Жан осознал, что это был рёв его собственного желудка.

– Тебе не кажется, что сейчас самое время немного передохнуть. Можем спать по очереди и ещё…

– Да заткнёшься ты или нет?! – выкрикнул, не выдержав Жан.

Йен остановился и в недоумении уставился на напарника.

– Я же просто, – уже тише сказал Йен и положил руку на плечо Жана. Ему хотелось, как-то загладить вину. Хотя он не понимал, в чём виноват.

Этот жест стал последней каплей. Жан с такой силой отбросил его руку, что Йен невольно отступил на шаг.

– Такие, как ты, только и могут, что трепаться и создавать проблемы окружающим! Вечно весёлый, вечно лыбишься! Лыбишься да болтаешь, болтаешь и болтаешь без умолку! Сколько можно?! Спустись уже с небес на землю. Мы живём под землей. Нас могут в один прекрасный день сожрать и косточек не оставить. А ты идёшь и рассуждаешь, какое мясо в твоей тарелке? Люди каждый день гибнут из-за недостатка кислорода! Всем тут так тяжело, что каждый день думаешь, как самому копыта не отбросить, а ты лыбишься! Радуешься и думаешь, чтобы поесть! Чему? Чему ты радуешься, ублюдок? Что тебя так радует, что ты всегда улыбаешься? – кричал Жан подходя всё ближе.

Йен молчал. Нижняя губа задрожала. Он не знал, что сказать или сделать, чтобы нарастающая ярость Жана прекратилась.

- Ну же улыбайся! Не молчи! - выкрикнул Жан. Не соображая, что делает, схватил с земли камень и со всей силы швырнул его в Йена. Тот дёрнулся в сторону. На мгновение застыл, пытаясь удержать равновесие, но нога соскользнула с мокрого камня. Рыжая макушка полетела вниз в водный исток.

Истоки, на которых бывал Жан были не особо глубокие. Однако до дна ему доставать не удавалось.

Жан подбежал к краю и посмотрел вниз. Ничего кроме водной ряби не было.

- Выплывет. – прошептал Жан. Тело обдало лютым холодом, а костяшки пальцев побелели.

Тишина.

- Выплывет ведь…

Снова ничего не произошло.

- Как не выплыть?

Молчание.

- Эй! – крикнул Жан и прыгнул в ледяную воду.

Холодная вода безжалостными иглами вонзилась в тело. Дыхание перехватило, а сердце забилось в неистовом ритме. Было темно. Жан пытался разглядеть хоть что-нибудь. Вода была чистая, еле заметный свет от факелов пробивал с поверхности.

Наконец у самого дна Жану удалось разглядеть знакомую фигуру. Вверх тормашками балансировал Йен. Подплыв к нему совсем близко, Жан увидел, как глаза напарника широко распахнуты, а рот сжат со всей силы. Рыжий всем своим естеством старался не дышать, но при этом не шевелил ни руками, ни ногами. Жан схватил Йена за ногу, которая продолжала колыхаться в такт воде и рванул вверх.

Лишь сумев сесть, Йен жадно вдохнул и, опустив голову, тяжело задышал. Мокрые волосы прилипли к лицу. Вода стекала с одежды, с кончиков пальцев, с прядей волос, собираясь под ним в небольшую лужу. Оба парня молчали. Между ними словно выросла невидимая стена, и нарушить это молчание не решался никто. Только слегка заметные попытки восстановить дыхание не давали утонуть в этом безмолвье.

Жан несколько раз открыл рот, но слова так и не сорвались с губ. Перед глазами снова и снова возникал момент, когда Йен сорвался вниз. Это он бросил камень. Это из-за него всё произошло. Слова тугим комом застряли в горле. Ему было просто нечего сказать, всякая его попытка объясниться казалась бессмысленной.

«Зачем?.. Зачем я это сделал? Почему я снова всё испортил? Мог ведь просто промолчать...». Жан метался, пока наконец не решился выдавить хоть что-то. Однако в полумраке прозвучал другой голос.

– Я тоже устал, – начал Йен. Жан невольно придвинулся ближе. – Устал жить в мире, в котором все плохо, устал от темноты, устал от смертей! Моя мать…

Йен осёкся. Небеса бескрайние свидетели, что он не хотел говорить, но остановиться уже не мог.

– Она умерла. Тогда я был совсем малыш и мне твердили, что я всё забуду, но… Я помню… Я видел, как её тело с каждым днём все больше покрывается гнойниками. Видел, как отшелушивается кожа, как струпья покрывают её руки. А она… Знаешь, что она делала?

Йен втянул воздух. Жан ещё ни разу не видел его таким серьёзным. Свет факела обрамлял его силуэт. Жан задержал дыхание, а сердце забилось быстрее чем в ледяной воде. Если бы факелов было больше, Йен без труда увидел пытающие щёки.

– Она улыбалась… И говорила, говорила…

Голос Йена задрожал. По щеке скатилась слеза. Жан увидел, как у рыжего в глазах застыли слёзы, которые тот пытался удержать всеми силами.

– Она говорила, каким бы тёмным не был этот мир я и мои братья, всегда будем её лучиками света. Даже если она никогда этого самого света не видела.

Тело парня дрожало, то ли от холодна, то ли от воспоминаний. Он глубоко вздохнул и снова дрожащим голосом заговорил:

– Когда мама умерла, я был рядом с ней. Последнее, что она сказала: «Сынок, улыбайся! Всегда улыбайся! Мир так и останется тёмным, если ты сам не принесешь в него свет.» И… Свет Небесный, я улыбаюсь. И буду это делать. Даже если таким парням, как ты, это не нравится. Я буду искать свой лучик и, если не найду я сам стану этим лучиком.

На сердце у Жана кольнуло что-то знакомое. Странно знакомое чувство. Он понимал Йена, но сказать что-то в ответ не мог, а может просто не хотел.

Два кадета снова молчали. Жану было нечего сказать, а Йен больше не хотел говорить. Впервые Жан больше не видел у рыжего улыбки. Губы опущены вниз и даже огонь в глазах потух. На душе Жана повис груз, в горле жгло. Он сглотнул и спросил:

– Не выплыл почему?

Йен уставился на Жана в полном недоумении, но потом надув губы проговорил:

– Я не знаю, как.

Тишина.

– Не знаешь? Тебя ни разу на истоки не водили? – удивился Жан.

– Отцу было не до того. И знаешь, что, для этого существует бочка!

– А не двигался почему?

– Откуда мне знать, вдруг пошевелился бы и утоп! – обхватив себя руками быстро отчеканил Йен.

– Ты и так утоп! Ещё меня стариком считаешь, а сам!

– Да только старики на истоки и ходят, а у такой молодёжи, как я, все удобства есть дома.

Выпалив это, они переглянулись. Несколько секунд оба молчали, а потом одновременно нервно усмехнулись. Усмешка быстро переросла в громкий смех.

– Нужно идти. Скоро докладывать Капитану, а вид у нас такой, что тройная нагрузка обеспечена, может подсушиться немного успеем. – сказал Жан поднимаясь на ноги.

– Успеем! – выкрикнул Йен. – У меня есть прекрасная идея!

Жан вопросительно поднял бровь. Никто не стал возвращаться к случившемуся. Оба сделали вид, будто ничего не произошло, и сейчас это устраивало их обоих.

– Только учти... тебе придётся довериться мне.

Йен улыбнулся.

– Сможешь?

Жан задумался. Был ли в этом смысл? Глаза парня пылали уверенностью и торжеством, что-то в его душе потянулось на зов Йена, и Жан едва заметно кивнул.

– Я знаю, как выбраться за пределы корпуса! – заговорщически прошептал Йен. – А потом, через тайный ход в одну таверну. Там всю ночь горит камин и полно сена. Высохнем, согреемся и успеем вернуться обратно!

– А если капитан…

– Я уверен, капитан сюда сегодня не сунется!

– Откуда такая уверенность?

– У меня имеются тайные связи. – поигрывая бровями проговорил рыжий и пошёл вперёд. – Ну же следуй за мной!

Йен быстрым шагом двинулся дальше, а Жан едва поспевал. На лице у него снова сияла улыбка. Жан невольно и сам приподнял уголки губ.

«Какой же ты тайный» пронеслось в мыслях.

– Что за таверна?

Йен резко остановился, обернулся на Жана и прищурив глаза полушепотом произнёс:

– «Чёрная Королева»!

Без лишних церемоний Йен подошёл к самому высокому из троицы, схватил его за грудки и рывком притянул к себе. Ростом он заметно уступал противнику, но, казалось, это волновало его меньше всего. Лицо оставалось удивительно спокойным, лишь карие глаза полыхали такой яростью, которой легко бы хватило, чтобы испепелить парочку идиотов.

Остальные двое мгновенно замерли. Они недоумённо уставились на наглеца, посмевшего прервать их забаву, словно ещё не успели осознать, что происходит.

Жан молча встал справа от друга.

«Стоило же вообще идти в эту проклятую таверну... Да и встречать Йена тоже не стоило», – мрачно подумал он.

« Когда-нибудь его привычка бросаться на помощь первому встречному закончится очень плохо... И что-то мне подсказывает, плохо в первую очередь для меня».

Джей Те Харт не зря считался одним из лучших бойцов сначала в пятнадцатом отряде, а затем и во всём Терра. Мощное телосложение было лишь одним из его преимуществ. Однако, куда серьёзнее было, что он редко делал хоть одно движение, не оценив противника. Даже сейчас его взгляд медленно скользил по фигуре Йена, отмечая рост, стойку, положение рук и возможные слабые места.

– Что такое, недомерок? Что-то не нравится? – сказал Джей наигранно игривым тоном, будто разговаривал с ребёнком.

– Видимо это с вами что-то не так, раз ведёте себя не как солдаты, а как последние сволочи. Трое на одного. – Йен говорил хрипло, с трудом сдерживая ярость.

– А ты решил стать нянькой этому отребью? Ты хоть знаешь, что эта мелочь в открытую говорил об измене Королю и нашему народу. Он получил по заслугам.

Йен посмотрел за плечо Джея, на скрюченного парня. Тот лежал на земле. Худощавый, грязный и бессильный, кажется ему вырвали клок волос прямо с виска. Его пробирала мелкая дрожь, а зубы были крепко сжаты, кровь из носа испачкала лицо, и капля за каплей стекала на рубашку под формой.

Ах, да! Эти веснушки на носу. Жана они раздражали весь период обучения. Он вспомнил его. Имя завертелось на языке.

Картер.

Верно. Картер Росс.

На тренировках он чаще принимал удары, чем наносил их. Никто так и не понял, зачем он вообще пошёл в кадеты. А он после каждой трёпки поднимался так, будто получил не побои, а очередную награду.

«И чего он этим добился?»

– Измена это или нет, решать не вам! А то, что сделали вы – это преступление! – твёрдо проговорил Йен.

– Ты будешь мне заливать о преступлениях? Ты кael! Твоё место сидеть в штабе и штанишки протирать наблюдая за пустотой в бочке! – рассмеялся Джей, широко оскалившись.

Чёрные пряди упали ему на плечи. Обычно он стягивал волосы в тугой хвост, но сегодня, в честь церемонии, оставил повязку в штабе.

– А знаешь что? Давай лучше спросим твоего дружка. Эй, Жан!

Услышав своё имя, Жан вздрогнул и поднял взгляд.

Неужели Джей его помнил?

За год службы они пересекались всего несколько раз. Когда-то учились в одном корпусе, но в разных отрядах, а после распределения почти не виделись. Зато имя и заслуги Джея Харта знали многие.

– Ну что скажешь? – ухмыльнулся Джей. – Мы совершили преступление или наказали мерзкого предателя?

Жан молчал.

Он слишком хорошо понимал, чего от него ждут.

Солдаты Терра не выступали друг против друга. Ни при свидетелях, ни за их спинами. Неважно, кто прав. Если один терровец встанет против другого, люди перестанут бояться самой Терра.

Джей прекрасно это знал.

Именно поэтому сейчас он смотрел только на Жана.

Если Жану не хочется стать изгоем в отряде, он ни за что не переступит правил Терра, пусть и негласных.

Йен посмотрел на друга с надеждой, тревогой и с теми же горящими глазами. Жан не знал, как поступить. Мысли беспорядочно крутились в голове. Начиная с того, что возможно Йен ему не такой уж и друг, до собственного унижения за неумение принимать правильных решений.

«Ответственность» какое гадкое слово. Кулаки крепко сжались, а он не мог выронить ни слова. Единственное на что он был способен переводить взгляд с Йена на Джея и обратно. Он не мог выбрать службу или друга.

«Ну как друга, приятеля? Всего три года в кадетском отряде. СЛОЖНО!», пронесло у Жана в голове, и он тут же дал себе мысленную пощёчину на такие трусливые, мерзкие мысли.

– Я...

Голос предательски дрогнул.

– Я думаю...

Договорить он не успел.

Кулак Йена с такой силой врезался Джею в лицо, что тот, не успев даже прикрыться, рухнул на землю. Из разбитой губы тут же потекла кровь. Жан застыл. Больше ему не нужно ничего говорить и делать выбор тоже.

Двое, что до этого стояли в стороне, подскочили к Йену. Один налетел сзади и схватил под локти. Второй, не теряя времени ударил в живот. Барлоу резко втянул воздух. В следующую секунду тот уже сомкнул предплечье на его шее, затягивая удушающий захват.

Хрип.

Только тогда Жан словно очнулся.

Он рванулся вперёд, но путь ему тут же преградил Джей. Чёрные волосы растрепались и упали ему на лицо, однако ухмылка никуда не исчезла.

– Что собрался делать Жанчик? – пропел он, сверкая тёмно-карими глазами.

Даже при таком раскладе Жан сомневался, что нужно делать. Однако тело уже больше на инстинктах, чем от его собственного желания замахнулось на Харта. Джей в свою очередь с лёгкостью увернулся от удара и быстрым толчком в спину, отшвырнул Жана дальше. От чего столкновение с лежащим на земле Картером стало неизбежным.

Приложившись о локоть всё ещё корчившегося витевца, тот захрипел с новой силой, но не пошевелился.

– Роганова ты задница! – Жан ругнулся, поднялся и снова направился на Джея.

В этот раз он решил быть умнее и не действовать сгоряча. Так просто его не сломать, нужно действовать иначе.

Жан посмотрел на Йена, который пытался выбраться из удушающей хватки. Перевёл взгляд обратно и посмотрел на Джей под новым углом. Стараясь отметить, как можно больше деталей.

«Сильный...» пронеслось в голове.

«Клиф бы не одобрил... но победителей не судят.», взбодрил себя Жан и встал в стойку для ближнего боя. Джей не спешил наступать, а вот Жан был готов. Правый кулак снова метнулся Джейю в лицо. Тот ожидаемо дёрнулся в сторону, собираясь повторить прежний манёвр. Именно этого Жан и ждал. Левая ладонь с силой ударила Харта по уху. Джей пошатнулся. Перед глазами всё поплыло. Жан не дал ему опомниться. Кулак врезался под рёбра. Харт согнулся пополам и тяжело рухнул на землю.

– Что здесь происходит?

Послышались звуки стремительно приближающихся шагов. Жан сразу узнал этот голос. Капитан Те Райн.

Капитан уже давно разменял шестой десяток. Семьи у него не было, поэтому во время праздников он неизменно сам вызывался патрулировать город.

– Уходим. Живо! Неприятности нам не нужны! – прошипел Джей, оправляясь от удара быстрее чем рассчитывал Жан, от чего в груди неприятно кольнуло. Харт не стал дожидаться пока дружки одумаются и сразу направился в противоположную от капитана сторону. Однако этим парням не нужно было приказывать дважды. Они безоговорочно отпустили Йена и побежали за своим лидером. Барлоу в тот же миг рухнул на колени и стал тереть покрасневшую шею.

– Ты как? – спросил Жан, помогая Йену подняться.

– Нормально, а с ним что?

Оба сразу перевели взгляд на Картера, который стал пытаться подняться на четвереньки, но то и дело заваливаясь набок. Не говоря ни слова, они подхватили Картера под руки и помогли ему подняться

– Развлечься решили, щенки! Разукрасили и довольны! Думаете, Церемония очистить и ваши грешки? – шипел знакомый старческий голос, устремив взгляд исподлобья. – Представьтесь немедленно!

– Капитан, но мы… – пытался оправдаться Жан.

– Представьтесь!

– Йен Ка Барлоу, – выпалил рыжий.

– Жан Те Смитт.

Капитан уставился на тело, которое безвольно свисало в руках парней, в надежде услышать хоть что-то.

– Катер… Ви… Росс… – отрывая слова, тихо произнес Катер. Попутно стараясь освободиться из хватки помощников. Капитан лишь хмыкнул на общую картину и почесал изрядно облысевший затылок.

– Весь набор... Кто бы мог подумать. Терра, Кael, Вита.

Капитан Те Райн поочерёдно посмотрел на каждого.

– И это называется солдаты? Напали на того, кто слабее. Разве этому вас учили?

Взгляд капитана остановился на Жане. Старик нахмурился и издал протяжный звук, больше похожий на хриплое мычание.

– Постой-ка... Жан Смитт?

Жан выпрямился от звука собственного имени.

– Сын Коррала Смитта?

Капитан невольно икнул и пару раз хлопнул себя по слегка выпирающему животу.

– Вот уж не думал встретить тебя при таких обстоятельствах. Помню твоего отца, лучший пекарь в Минусе.

На мгновение суровое лицо смягчилось.

– А тебя помню ещё вот таким. – Он махнул ладонью где-то на уровне пояса. – Совсем мальчишкой бегал по площади.

Тут же Те Райн вспомнил по какой причине состоялась их встреча и снова нахмурился.

– Вырос значит... и решил хулиганить? Вы двое совсем головы потеряли? Напасть на солдата другой армии... Вы хоть понимаете, что это преступление? Сегодня церемония, а завтра подобное может закончиться военным трибуналом.

Никто не ответил.

Старик тяжело выдохнул.

– Терра, Каелы, Вита... Вы обязаны защищать друг друга. Пока носите форму Короля, вы прежде всего одна армия. А вы устроили драку посреди города.

Его взгляд задержался на Картере.

– Солдат Вита. Подтверждаешь, что именно эти двое напали на тебя?

Картер медленно поднял голову. Несколько секунд он молчал, словно собираясь с силами.

– Нет, сэр.

Капитан вопросительно поднял брови.

– Что значит «нет»?

– Они не нападали. Наоборот... остановили драку.

Картер опустил взгляд.

– Возможно... я сам её спровоцировал.

Жан и Йен одновременно уставились в его сторону. Картер продолжил так же спокойно:

– Мне следовало промолчать. Если бы я так поступил, то ничего бы не произошло.

Капитан ещё несколько секунд внимательно смотрел на него.

– Берёшь вину на себя?

– Нет, сэр.

Картер покачал головой.

– Просто говорю, как было.

Он перевёл взгляд сначала на Йена, потом на Жана.

– Спасибо, – говорил он сухо, словно заканчивал самый скучный доклад. – Прошу простить Капитан, разрешите идти? Семья ждёт.

– О! Ну раз так, вольно. Иди. – растерявшись от признания юноши выдавил капитан.

– Благодарю, капитан.

Картер коротко поклонился и, с трудом удерживая равновесие, медленно направился прочь. Все молча проводили его взглядом.

– Хорошо, – откашлявшись прошептал Те Райн. – Вы свободны идите… хотя нет! Жан останься. Со мной пойдёшь. Твой район в списке на патрулирование, как раз отца твоего увижу. Поздороваюсь хоть, а то служба да служба. Так и помру, не увидев старого друга.

– Капитан, я уже обещал пойти с Йеном…

– Нет, что вы капитан! – затараторил рыжий. – Я Жана ничуть не задерживаю. К тому же мне тоже пора к семье.

Йен поклонился. Хлопнул друга по плечу и ушёл так же внезапно, как и появился на площади.

Новая волна раздражения накрыла Жана с головы до ног. У него были все шансы отложить поход домой на добрую часть дня.

«Мог ведь поддержать. Нет же, слинял! Хотя откуда ему знать… Могу поставить сотню рон, что он хотел, как лучше. Он всегда хочет, как лучше, а как лучше другим не знает.»

Размышлял Жан, шагая следом за капитаном. Лишь позже он подумал, что это была маленькая месть Барлоу, за то, что Жан когда пришло время не поддержал его. Хотя он считал Жана другом.

Большую часть пути к родному дому они с капитаном прошли молча. Те Райн по дороге следил за городом, а Жан мысленно метался из одного угла своего сознания в другой. Сейчас он снова увидит отца. Отца, которого он ненавидел.

– Я слышал, что Коралл завёл новую женщину. Говорят красавица, – наконец заговорил Те Райн. Может ему хотелось заполнить неловкое молчание, а может просто было интересно.

– Не знаю, – честно ответил Жан, – Мы с отцов редко пишем друг другу. Дела у нас слишком разные.

– Понимаю.

После ещё пары неловких фраз капитан и солдат замолчали вплоть до самого дома Коррала Смитта.

Жан завернул на знакомую улицу и вновь увидел флагшток, на котором красовался оранжевый флаг. День был в самом разгаре.

Жители Минуса всё так же спешили. Времени до церемонии осталось не так много. Поэтому, когда Жана несколько раз пихнули мужчины, что проталкивались сквозь возникшую толпу, решил не обращать особого внимания. Завтра он снова будет солдатом и тогда он с этим разберётся.

С каждым шагом воспоминания всплывали всё отчётливее. До поступления в кадетский корпус он ходил по этим улицам каждый день. До армии знал здесь каждый переулок. Разносил хлеб, носил всё необходимое для пекарни и выполнял поручения отца. Глиняные дома заметно постарели. Стены покрылись сетью трещин, крыши местами просели и покосились, будто вот-вот готовы были осесть под собственным весом. Хозяев это ничуть не волновало, и они невзирая на все недостатки, выстявляли горящие факелы.

Стало жарче. Духота царила вокруг. В этой части города воздуходух будто не существовал. Жан почувствовал, как на висках стали появляться маленькие капельки пота. К горлу поднималась тошнота, а руки, так и тянулись расстегнуть пуговицы на форме.

Перекресток улиц и несколько торговых лавок остались позади. Ещё одно пересечение и знакомый двор открылся для Жана широкой тропой. Не нужно было всматриваться, чтобы увидеть Коррала Смитта на территории своей собственности. Он что-то кричал на новую женщину и указывал скалкой в сторону печной.

Женщина была и правда красивая, длинные каштановые волосы, большие глаза, опущенные вниз. Кожа слегка бледная, из-за недостатка солнечного света. Хотя у всех жителей имелась характерная бледность, ей она даже шла. Где-то на голову ниже Жана, примерно на уровне отца. Жану она показалась его ровесницей.

Девушка заметила приближающихся мужчин, поклонилась отцу и побежала прочь. Только и было видно, как длинные волосы летят за ней следом.

Завтра этих волос никто не увидит. Они будут туго увязаны в косу, собраны к самой макушке и спрятаны под полотно.

– Коррал, давно не виделись! Смотри-ка кого привёл! Как у тебя вырос, кажись скоро женщину заведёт! – улыбаясь во все зубы говорил капитан.

Жан пропустил слова Те Райна про женщину, да и ответ отца его не волновал.

– Той Те Райн, давно я тебя не видел. Совсем забыл про меня…

На первый взгляд Корралу Смитту едва ли можно было дать сорок лет. Лицо почти не тронули годы: всё те же правильные черты, крепкая стать и уверенный взгляд. Лишь густая седина в волосах да небольшой горб, который он старательно скрывал под несколькими слоями одежды, выдавали его настоящий возраст.

Отец продолжал что-то говорить, но Жан ни его ни капитана уже не слушал. Он отправился прямиком за дом к умбракуле, где когда-то жила другая женщина отца, а до неё ещё одна, а до них его мать.

Это была его маленькая традиция. До поступления в кадеты, он каждое утро подходил к умбракуле и касался старых досок. Словно в них по сей день жил дух его матери.

Умбракула ничуть не изменилась. Похоже отец её не ремонтировал. На вид маленький деревянный домик в форме треугольника, только очень потрепанный.

«Ещё бы… ему ведь не первый год.»

Жан посмотрел на покосившиеся доски. Пара из них была приколочена на скорую руку, а несколько камней придерживали нижнюю балку у входа. От верхушки треугольника вниз висела закрывающая вход тяжёлая ткань.

Жан не сомневался, что внутри всё та же небольшая кровать, стул и маленький сундук для вещей, который стоял вплотную к кровати. Больше туда ничего не помещалось. Обычно в таких умбракулах и жили женщины.

Парень поддался странному искушению и заглянул внутрь. Его взору предстала новая женщина отца. Она сидела на кровати и теребила волосы.

Жан невольно затаил дыхание. Кого ещё он думал здесь увидеть? Мать? Он ведь знал, что девушка пошла именно сюда. Почему же удивился, когда, увидел её?

Даже в таком маленьком помещение она сохраняла свою миниатюрность и хрупкость. Она была словно тоненький росток, что решил просочиться посреди сухой земли.

На её лице тут же отразилась каждая эмоция: беспокойство, усталость, любопытство, смущение, трепет перед церемонией. Нежный румянец перелился в яркую краску и она не зная, как поступить опустила глаза и сильнее сжала волосы.

Жан сглотнул.

– Как твоё имя? – как можно сдержанней спросил Жан.

– А-а-мелия. Амелия. – несколько раз, запинаясь, ответила она. У женщин не было ни фамилии, ни звания. Лишь имя.

– Давно здесь?

– Десять месяцев. – быстро сказала она.

Сопоставить время было не сложно. Отец решил взять себе новую женщину спустя месяц, после смерти прежней.

До Амелии здесь жила женщина по имени Роза. Та была не особо покладиста, но она готовила чудесные булочки. Благодаря чудесной выпечки Розы, пекарня Коррала стала ещё более известной в Минусе, чем раньше.

Жан знал её меньше всех остальных женщин отца. Как только у него появилась возможность, поспешил отнести свои документы в армию. Однако он всегда будет помнить, как она готовила. Каждый раз, когда месила тесто или нарезала овощи, бубнила себе под нос очередной рецепт. Потом ловким движение смахивала капельки пота со лба и обращалась к нему «Мальчик!». Голос звучал грубо, но само слово говорилось с материнской теплотой.

До неё была Линда. Её, как и отца Жан ненавидел. Со стороны Линды это было взаимно. Она считала, что он слишком похож на мать и была в этом совершенно права. Волосы, глаза, скулы, всё от неё и лишь линяя носа, такая же прямая как у Смитта служила свидетельством отцовства. Линда прожила у них пять лет и это были худшие годы в жизни Жана. Годы полные боли и унижения. Он мечтал попасть в армию лишь бы сбежать из окружающего кошмара.

Ни за что на свете он не продолжит дело отца. Когда старик уйдет из жизни, он сожжет пекарню дотла. Поэтому, когда Линда задохнулась в печной и умерла, Жан не испытал ни скорби, ни грусти. Он вернулся в свою комнату, улегся на пол и позволил улыбки расплыться на своём лице. Жан представлял, как тело Линды передают сборщикам витевцам, а те выносят очередное тело на поверхность. Там Роганы обнаружат ещё один труп. А уже через время, отряд Вита найдет где-то недалеко небольшую кучку сырья для работы воздуходуха.

До Розы и Линды жила мать Жана. Он помнил каждую её черту. Её улыбку, какие сказки рассказывала, как тайком от отца прятала в подоле платья сладкий хлеб. Потом звала его в умбракулу и укрыв их обоих одеялом кормила лакомством и шикала. Прикладывала к губам палец обожженной руки со словами: «Ешь, быстрее, пока отец не видит. Небеса свидетели, он сам нас съест!»

Теперь на месте его матери сидела Амелия, которая робко подняла глаза и смотрела на него. Она тоже изучала внезапного гостя. Возможно, другой парень на его месте прямо сейчас мог наказать женщину за дерзость, но Жан не смог бы этого сделать. Слишком маленькая, слишком незащищённая.

Он снова поймал себя на том, что смотрит на её волосы. Почему-то вдруг захотелось провести по ним рукой. Жан тут же отвернулся, будто испугавшись собственной мысли.

– Ясно, – коротко выдавил он и пошёл прочь из умбракулы, оставляя девушку в недоумение и с потоком собственных мыслей.

Во дворе уже никого не было. Отец зашёл в дом, а капитан отправился дальше на патрулирование. Жан последовал примеру отца и отправился домой. Краем глаза он заметил возле ворот привязанного ягнёнка. Жертва, для сегодняшнего очищения.

От Жана не ускользнуло, что на ягнёнка старший Смитт не поскупился. Его отец всегда выбирал достойную жертву. Ему доставляло огромное удовольствие каждый раз слышать: «Видели какого откормленного ягнёнка купил своей женщине Коррал? Повезло ей как! Такой мужчина!».

Дом Каррола Смитта полностью отличался от умбракулы. Он был в разы больше с тремя комнатами, одна из которых раньше принадлежала Жану. Вторая была спальней самого Коррела, а третья исполняла сразу несколько предназначений. В ней расположились небольшая печь, что находилась в самом углу и столик рядом для готовки. Ещё один стол посредине комнаты с несколькими стульями и служили местом потребления пищи. Два кресла в противоположном углу для отца и его гостей.

Коррал встретил Жана с лучезарной улыбкой будто и вправду был рад видеть сына.

– Ну что посмотрел? Хороша, – последнее слово он протянул. Он не спрашивал сына о её красоте, а утверждал. Коррал знал, что Жан первым делом отправится к умбракуле, а значит никак не избежит встречи с его новой женщиной.

– Да… действительно.

– Ты не смотри, что худощавая, зато руки крепкие. Я её давно заприметил. Как случай представился, так сразу решил судьба-матушка мне путь указывает.

– Понятно, – коротко ответил Жан.

Он не хотел развивать эту тему, иначе знал, чем может окончиться этот разговор. Так же, как и заканчивались все предыдущие их семейные посиделки.

– Ты садись, садись! – продолжил отец, подталкивая к столу и громко крича. – Амелия! Амелия!

Через пару минут прибежала запыхавшиеся девушка. Щеки раскраснелись от бега, но она быстро собралась, поклонилась и спросила своего мужчину:

– Что мне нужно сделать?

Зачем ещё её могли звать, если не для какой-то нужды. Жан сидел за столом спиной к двери и не видел Амелию, но чувствовал, как сейчас, она смотрит ему в спину. Представил пунцовые щёки и не менее алые губы…

– Поставь моему сыну самый лучший сегодняшний хлеб. Не мне тебя учить, на стол собери! – скомандовал отец и положил руку на плечо Жана. Того внутренне передернуло, но внешне ему удалось это скрыть. – Мой сын был одним из лучших на учениях, а скоро будет лучшим во всей Терра!

Коррал говорил с гордостью. Словно все успехи Жана благодаря его заслугам.

– Хорошо. – тихо сказала Амелия и началась возня рядом со столиком у печи. Послышался звук поставленного чайника и звук открывающегося засова. Не прошло и пяти минут, как на столе стала появляться еда.

«Покраснела…», невольно отметил Жан, наблюдая как Амелия ловко ставила на стол хлеб, помидоры, лук и прочие овощи, даже небольшой кусок прожаренной в подливе говядины.

Подобное угощение для второго слоя считалось знатным. Даже как-то странно, что отец так расщедрился. Хорошие овощи, не говоря о говядине, могли стоить наравне с ягнёнком. Хотя Кораллу Смитту они доставались меньше чем за либ или того даже даром. Он обменивал свежеиспеченные булочки, чаще хлеб на овощи у людей, которые работали в Теплице для выращивания различного провианта. Большая часть припасов всегда шла на первый слой. Остатки, точнее сказать, то, что испорченное оставалось на второй.

– Прошу, – робко проговорила Амелия заканчивая свою работу. Затеребила волосы и уставилась в пол, продолжая стоять возле стола и ждать дальнейших распоряжений.

Когда отец предложил поесть, Жан хотел отказаться. Подняться из-за стола и уйти. Но, увидев накрытый стол, так и не смог заставить себя сделать хоть шаг.

Теперь, отправляя в рот очередной ломтик картофеля, он уже не сомневался, что поступил правильно. Давно он не ел так сытно, а на армейской похлебке такого удовлетворяющего вкуса не испытаешь. Помойка, да и только. Единственное к чему он так и не смог прикоснуться, был хлеб.

Жан успел уловить, как губы девушки дрогнули и изогнулись в улыбку от того с каким удовольствием он ел приготовленную её руками пищу.

Дверь распахнулась и в дом кто-то вошёл. Жан обернулся и увидел мужчину. В руках он держал кусок ткани.

– О вот и ты! – воскликнул Коррал. – А мы тут с сыночком тебя заждались!

Жан тут же проглотил кусок говядины, который так и не успел дожевать полностью. Посмотрел на мужчину. Видимо это новый ткач. Выходит старик Симон всё-таки покинул этот мир.

На мгновенье его охватило чувство утраты. Они не были сильно близки с прошлым ткачом, но он одевал Жана почти с рождения. Все вещи, что Жан имел дома до армии, были его работой.

Новый ткач прошёлся взглядом по Жану и перевёл на Коррала.

– Ты о нём рассказывал? – нахмурившись спросил он.

– Конечно! Посмотри какой крепкий! – выкрикнул отец и с сильной хлопнул сына по спине.

Жан почувствовался себя на торгах. Будто ягнёнок и его пытаются кому-то продать. Он прекрасно понимал к чему ведёт отец. Мужчина уже ни раз делал так. Коррал Смитт нисколько не изменился.

Амелия всё ещё стояла перед ним у стола. Коррал взглянул на сына, на женщину, сдвинул брови и сказал:

– Ты чего стоишь! Живо в умбракулу, надо будет позову!

Она поклонилась и ушла. Жану оставалось лишь провожать её глазами. Мысленно представлять, как она вбегает в своё убежище, сидит на кровати и всё так же теребит свои волосы. Он вздохнул. Всё лицо горело. С чего вдруг? Сейчас ему меньше всего стоило копаться в себе и выяснять причину. Главное, чтобы отец не заметил и не стал приставать с расспросами.

– Жан сильный мальчик! Для него раз плюнуть перевезти все твои ткани до перехода в Суним. – слова отца вырвали Жана из своих мыслей. Конечно, отцу нужно чтобы Жан что-то сделал. Тогда отец получит то, что ему нужно.

– Точно? Праздник как-никак? Может всё же… – начал ткач.

– Да перестань, женщины у него нет, а дома что ему делать? Валяться что ли? Ты ведь знаешь я бездельников не потерплю! – поглядывая на Жана, Коррал сильнее стиснул его плечо.

– Ну вставай! – Коррал принялся подталкивать сына, чтобы тот вставал из-за. – Займись-ка работой!

В мыслях Жан десять тысяч раз отказал отцу. Сказал, чего ему действительно хочется так это поваляться, отдохнуть и в конец просто поспать. На деле он встал и направился в сторону ткача.

«Зачем усложнять? Сделаю всё, и нет проблем!».

– Раз так пойдем, покажу. – кивая к выходу сказал ткач и намерялся выходить.

Вслед ему послышался громкий кашель Коррала.

– Оплату пришлю с женщиной, как только всё погрузим.

Коррал одобрительно махнул головой и вернулся к своим делам.

Жан последовал за ткачом.

Глава 3

От кончиков пальцев до самой макушки она утопала в кромешной темноте. Ресницы быстрыми хлопками пытались возродить надежду о свете, словно взмахи бабочки, которая бьётся в агонии. Пару мгновений назад её поймали... Когда она была маленькой, ей доводилось играть с друзьями в «поймай кролика» и тогда её тоже ловили, но всё заканчивалось не так…

Руки связаны, ноги тоже. Темно.

Воздух спёртый, дышать тяжело и горло жутко саднит, но главное живая. Что случилось, с её родными неизвестно. На неё обрушился ужас последних дней. Картины, пропитаны кровавой краской, а крики и вопли служили холстом произведения.

«Они все мертвы!». Вкус железа и что-то жутко горькое заполнило рот и рваный всхлип поцарапал горло.

Послышались шаги и ровный, спокойный голос мужчины.

– Мы нашли её на юго-западе, у Пустынных Дюн. Следы бойни тянутся в сторону Лесного поселения.

Шаги приближались. Ей удалось различить ни две пары ног. К ней направлялось сразу несколько человек.

– Допрос уже провели? – голос прозвучал скучающим, тягучим, но твёрдым. Будто его обладатель видел нечто подобное каждый день.

– Нет, глава. Ждали ваших указаний.

Она понимала их язык, но слова звучали иначе. Каждое слово будто заканчивалось нотой, мягкой и певучей. Её земли никогда не славились поэзией и музыкой. Её язык был твёрже и грубее в сравнение с другими языками, которые приходилось учить. Тот, который она сейчас слышала, невероятно похож лексикой, но произношение полностью отличалось.

Тьма рассеялась и показался огонёк от пламени факела. Постепенно окружение наполнилась светом множества огней и полумрак открыл её глазам пятеро мужчин. Каждый из которых был одет в темно-зелёную форму. У двоих в руках были копья с загнутыми наконечниками.

Девушка опустила взгляд и смогла наконец-то себя рассмотреть. Кожа, что при свете дня была смуглой, в мрачном свете факела казалось чёрной. Угольные волосы сосульками свисали на плечи. Широкие штаны, сшитые специально для экспедиции, были порваны и покрыты багровыми пятнами. Рубашка не лучше, грязь, кровь, пот. Пиджак, сшитый под стать штанам, был больше похож на мешок из-под картошки.

Она помнила, как впервые показала этот костюм матери.

– Моргана, девочка моя, побойся Звёздного света! Девушке не пристало ходить в подобном! – возмущалась Леди Брошь. Стараясь смотреть на дочь со всем укором, на который была способна.

– По-твоему мне отправляться на Проклятые Земли в платье с оборками и корзинкой цветов под ручку?

Мать надула маленькие, но пухлые губы и полушёпотом сказала.

– Душа болит.

Моргана не придала этим словам никакого значения. В конце концов её мать всегда была слишком чувствительна.

– У тебя есть имя?

Спросил мужчина со шрамом над губой. Медные волосы сливались с огнём факела, а голос был таким же тягучим.

Моргана молчала. Она не могла говорить. Страх, горе и боль смешались в единый эликсир и потекли по всей сущности её тела. Она не знала, где сейчас находится, кто эти люди и что будет с ней.

Мужчина присел на корточки рядом и посмотрел ей прямо в глаза.

– Молчишь.

Моргана не поняла, был ли это вопрос или утверждение.

Резким движение мужчина встал, вырвал факел из рук подчиненных и приставил к оголенным ногам Морганы.

Боль шипами вонзилась в кожу, ноги покраснели, и кожа мгновенно стала печься. Моргана захлебнулась воздухом, пламя поглощало ступни, а казалось, что пылает всё тело.

Девушка взвыла:

– Прошу хватит!

Мужчина улыбнулся и отстранил факел, от чего шрам на его лице стал только заметнее.

– Значит ни немая. В таком случае тебе лучше отвечать если тебя спрашивают.

Мужчина придвинулся ещё ближе и словно на распев продолжил:

– Позвольте представиться – глава армии Вита. Я не причиню тебе вреда, если ты будешь послушной девочкой.

Моргана захлебнулась слезами, но старалась не отводить взгляд. Глава улыбался шире, а голос зазвучал настойчивее.

– Если не заговоришь, и даже если будешь послушной, но молчаливой. Я знаю множество способов, как заставить милую юную девушку открыть свой чудный ротик.

Моргана не была бойцом или солдатом, она была исследователем. Ей хотелось так думать. Хотя для своих лет она таковой не считалась. Отец всячески подыгрывал её увлечению и старался предоставить всё, о чем бы дочь не попросила. Начиная от старинных свитков, заканчивая этой злосчастной поездкой. Моргана изучала сотни записей, о «способах», которые заставят человека заговорить. А потому страх о пытках, муках и боли впитался в неё с каждым прочитанным словом.

Моргана едва заметно кивнула, давая понять, что готова ответить на любые вопросы.

– Сколько тебе лет?

Моргана задумалась. В этот момент она забыла всё.

– Мне тринадцать.

Глава нахмурился, а Моргана сжалась.

– Через три месяца будет четырнадцать.

Слова о её возрасте были сказаны так неуверенно, что ей показалось она врёт сама себе.

Глава придвинулся факел ближе и стал внимательно рассматривать черты лица девушки.

– Выглядишь старше, – сказал глава, а Моргане пришло на ум, что будь она в другой обстановке, то непременно бы оскорбилась на подобные слова. – И твой говор, звучит как-то… коряво. Откуда ты?

Моргана не была удивлена его словам о возрасте, но их последствия заставили все волоски встать дыбом. Когда ей стукнуло полных тринадцать лет, мама разрешила пользоваться пудрой и румянами, а спустя несколько недель наносить тени и блеск. Тогда мама посмотрела на неё, а в глазах стояли слезы: «Девочка моя, ты стала такая взрослая, но для меня… Для меня ты навсегда останешься малышкой Морги.»

Глава продолжал молча смотреть, пока наконец не сделал выдох и продолжил:

– Впрочем, поговорим об этом не сейчас, – губы сжались. – Микаэль Ви Шерл отведите девушку в штаб, а дальше будем исходить от полученной информации.

Мужчина со светлыми волосами, почти до плеч вышел вперёд и кивнул:

– Да глава. – тот самый спокойный и мягкий голос.

Ви Шерл подошел к Моргане и обрезал путы, что сковывали руки и ноги.

Все затекло. В местах, где натёрла веревка, кожа заныла.

Моргана стала медленно подниматься. Ноги снова пронзила боль от ожогов, а кожа загорелась новыми оттенками красного.

Крик невольно сорвался с губ. И Моргана была готова рухнуть на землю, но крепкие руки не дали ей упасть. Ви Шерл перебросил худую руку через плечо. После очередной команды главы все двинулись вперёд.

Молчаливым строем они продвигались сквозь темноту, освещенные факелом. Время от времени тишину нарушали еле слышные переговоры солдат и тихие всхлипы девушки.

Район Феминем располагался в самой отдаленной части города Минус. Сюда приводили девушек из обоих слоёв подземного королевства. Территория района была небольшой и ограждалась от остального мира невысоким деревянным забором с колючими кустарниками.

Феминем был усеян длинными каменными домиками и одним центральным зданием. Изначально планировалось, что и в Суним, и в Минус будут отдельные районы с женской частью, различие которых заключалось в социальном положении.

Спустя какое-то время состоялось собрание Служителей во главе с Королем Нефасом, где было решено, что использовать территорию для отдельного Феминем в Суниме нерационально.

Разделять женщин по слоям неправильно, ведь все они объедены единым грехом. Что значит все равны, но при этом происхождение и статус отца фиксируется в личном деле девочки.

С тех пор прошло почти полторы сотни лет, а правила не изменились. Будь девочка из богатой или из бедной семьи – все попадали в Феминем. К числу первых принадлежала Мария. Она не помнила другой жизни, кроме Феминем, но Матерь говорила, что она из очень благородной семьи. Это обязывало её трудиться вдвойне, чтобы в будущем её завёл благородный мужчина.

И она трудилась.

Мария не была красавицей, но ей казалось, что она красивее некоторых девушек из Феминем. Одежда, манеры, волосы отличали её от большей половины женской части.

Каждый год после Церемонии, отец присылал ей новые платья и полотно, считая, что прежние выносились. Мария любила отца за этот жест. Одежда и правда быстро превращалась в тряпки.

– Мария!

Иголка выпала и с тихим звуком ударилась о камушек. Удар тростью выпал на участь пальцев. Нервная боль прошлась по рукам, но девушка не издала ни звука. Голова склонилась ниже к рубашке, над которой она работала.

– Строчка кривая, распарывай и переделай.

Мария кивнула. Не было смысла говорить, что это уже двенадцатая рубашка за утро.

– Быстрее, женщины, быстрее! – торопила их Матерь стуча тростью.

Все девушки района Феминем занимались шитьём. Всех вывели во двор, где находилось центрального здание, что носило название Обитель. В Обители жили Матери, а в домиках девушки.

Матери сегодня злее обычного. Чёрные юбки не отглажены до конца, а манжеты на серых рубашках расположены неровно. Зато полотно на голове лежит, как всегда, безупречно. Матери никогда не снимают полотно. В этом состоит их искупление за грех.

– Пальцы не слушаются, я устала. – тихо простонала Магда, что устроилась поодаль от Марии.

– Мы должны успеть, – прошептала Мария и принялась быстрее перебирать швы отпарывая один за другим.

– Мы каждый год начинаем раньше положенного срока и всё равно не успеваем. Тогда смысл начинать раньше.

Продолжала бормотать Магда и по привычке хотела поправить полотно, которого сегодня не оказалось. Мария могла лишь вздохнуть и продолжить работу.

С Магдой она познакомилась в тот же день, когда её привезли в Феминем. Когда ей, как и Магде было пять лет. Ничего особенно в их знакомстве не было. Девочек объединили в один поток, который состоял из двадцати четырех детей. На один поток приставляли по две Матери.

Несколько потоков селили в одном домике и Магду с Марией зафиксировали за одной двухъярусной кроватью. Магда сразу запросилась наверх, а Мария не была против.

Сначала они мало говорили, а потом появились общие темы.

«Видела, у одной из Матери усы растут прямо на лице.», «А у Матери такая страшная палка.», «Меня сегодня тааак сильно по спине ударили, аж синяк вышел. Показать?».

В домике было сорок восемь комнат, для нескольких потоков. Потоки разделяли ширмы по коридору. В комнате находилось по пять двухъярусных кроватей для каждой. Эти комнаты принадлежали девочкам до самого выбора их мужчиной.

– Ничего не выходит. Нитка не вдевается! – нервничала Магда, пытаясь просунуть нитку в отверстие иголки.

Мария выдохнула.

– Дай мне.

Девушка ловким движением выдернула из рук Магды иголку с ниткой и вдела кончик, между делом наблюдая за Матерью.

– Держи.

– Ты моя спасительница! – пропищала Магда и взяла иголку обратно.

Мария улыбнулась и стала снова сшивать свою рубашку. На этот раз нужно быть внимательнее.

– Серьёзно, будь я мужчиной, завела бы тебя не задумываясь!

Магда говорила тихо и весело. А Мария сжалась и посмотрела на Магду.

Такие же чёрные волосы заплетены в косу, как и у неё. Такие же серо-голубые глаза. Платья у всех девушек были серых оттенков и балахонистые, а полотно чуть светлее платья. Это тоже не отличало Марию от Магды. Различия были лишь в происхождении. Только вот все их социальные рамки меркли на фоне самой главной ценности.

В прошлом месяце Марии стукнуло пятнадцать, но она ещё ни разу не присутствовала на Церемонии очищения греха. И крови у неё тоже ещё не было. Это означило, что она ещё не женщина, но считалась девушкой. Её не выставляли на выбор и от этого Мария, часто плакала. Девушек её возраста уже давно выставили, а то и завели. Каждый вечер она молилась Небесам, что бы кровь пошла, но её всё не было.

В отличие от Магды, которая стала полноценной уже в одиннадцать лет.

Когда Магде исполнилось тринадцать её выставили на выбор. Однако её никто так и не выбрал. И это тоже нормально. Хоть официально девушек и выставляют начиная с двенадцати, заводить мужчины обычно начинают с четырнадцати или пятнадцати лет в зависимости от того, как выглядит девушка.

Мужчины из Минус всегда ищут покрепче и по сильнее, чтобы всё умела по хозяйству и жила дольше. В противовес Минусу, мужчины Суним выбирали покрасивее, помоложе и более образованных.

Ещё одно отличие Магды и Марии.

Магда учила всё, что должно было пригодиться в хозяйстве. От готовки до уборки и шитья до молитвы, правила поведения с мужчиной, как быть матерью, как принимать роды и что делать когда её заведут, свою роль в жизни и выполняла множество поручений от Матери.

Мария учила и делала всё то же, только в довесок шла хорошая родословная, а в её распорядок дополнительно входило обучение манерам, умение вести беседу, чтобы мужу не было с ней скучно, а женщины мужчин высшего общества не посчитали ее простушкой.

Главное правило, что оба сословия должны без малейших прекословий принимать волю мужчины и его поручения.

Самая главная заповедь, что оставили Небеса всем женщинам после Отверженной Королевы: «Муж имеет право наказывать свою женщину для её исправления, или исправления греха, дабы облегчить душевную участь греховной. Ибо она принадлежит к его домашнему имуществу.»

Каждый вечер девушек собирали Матери в общем зале и говорили о смысле Церемонии очищения греха.

Магда работала медленно, Мария быстро.

– Если не поторопимся, мужчины после Церемонии останутся без новых рубах. – переводя взгляд со своей рубашки на шитьё Магды проговорила Мария.

– Суть в том, что им рубашки нужны меньше всего. – Магда насупилась. – На них то не вываливают кишки мёртвого скота.

– Не смей так говорить.

– Матери не слышат.

– Небеса всё видят и знают.

Магда бросила рубашку и уставилась на Марию, скрипя зубами.

– Ты небес в жизни не видела, так почему уверена, что они видят тебя.

– Король Нефас говорит с Небесами. – будто в оправдание проговорила Мария и приковала взгляд к иголке.

Магда замолчала, но продолжала, сжимая губы смотреть на соседку. Возразить на это ей было нечем. Король и правда говорит с Небесами. Только он.

– Может, Король и говорит, только…

– РАБОТАТЬ! ДУРНАЯ ГОЛОВА!

От резкого крика Матери девушки тут же принялись за рубашки и только через пару секунд осознали, что упрек Матери направлен ни на них.

Взгляды скосились в сторону. Матерь схватила одну из девушек за косу и намотала на локоть. Вытягивая её так, что голова девушки задралась и была готова оторваться вместе с волосами.

Трость Матери взлетела вверх и до хруста ударила девушку по себе. Матери редко били в живот, ведь из утробы рождаются мужчины. Но спина, руки, ноги и голова были в полном распоряжении.

Следующий удар пришелся по распластавшимся рукам. Девушка взвыла.

– Твои пальцы кривые, а голова полна говна! – ревела Матерь.

Мария знала, почему Моргану так наказывали. Девушка и правда была ни к чему не приспособлена.

Она появилась внезапно, когда Магде и Марии исполнилось четырнадцать.

Все девочки смотрели на неё завороженно. Моргана была темнее кожей, а волосы короче, чем у каждой из них.

Моргана не умела ничего: ни стирать, ни шить, ни готовить из-за чего быстро из самой необыкновенной превратилась в самую бестолковую.

– Сколько раз учить тебя? Сколько объяснять? Сейчас я покажу тебе, как нужно! – продолжала Матерь, сопровождая ударами по голове.

Моргана скулила. Матерь скрутила её руку и уселась на спину. Окончательно впечатав, девушку в землю.

– Дай сюда, живо! – крикнула Матерь девушке, которая ближе всего стояла к ней.

Та протянула ей иголку с ниткой. Матерь выхватила предметы и усевшись поудобнее, преподнесла острие к выкрученной руке Морганы. Скулеж девушки становился всё сильнее, а Матерь завершила первый стяжек.

Моргана визжала и ревела. Мария сжала зубы и старалась сдерживать тряску рук. Магда закрыла глаза и застыла. На её левой руке тоже красовался один из таких швов.

Матерь наградила Моргану пятью.

– Такие они должны быть, смотри и запомни!

Женщина встала и отбросила руку девушки.

– А теперь вставай и работай!

Моргана с рыком и рёвом уселась на колени и зажала опухшую руку.

– Поняла меня? – твёрже спросила Матерь.

Моргана раскачивалась взад и вперёд, но кивала.

– Хорошо. – твёрдо сказала Матерь, будто подтверждая, что речь подошла к концу.

Женщина стукнула тростью и словно ничего не произошло отправилась проверять других.

Моргана подползла к своему месту и трясущейся рукой взялась за иголку.

Мария посмотрела на Магду, та открыла глаза и со слезами уставилась на девушку. Мария кивнула головой, призывая вернуться к работе.

– Ненавижу!

– Молчи.

Не было смысла спрашивать нужна ли Моргане помощь или задавать другие вопросы. Она всё равно бы не ответила.

С первого дня появления Морганы в Феминем никто так и не услышал её голос. Слух разлетелся быстро – у новой девочки отрезан язык.

Глава 4

– Немедленно объяснитесь! – приказал капитан.

Йен вытянулся по стойке «смирно».

– Йен Ка Барлоу! Второй отряд! Следовал на осмотр и прочистку труб, капитан! – отчеканил юноша.

Только небольшой холщовый мешок он незаметно прижал ближе к бедру, мысленно молясь Небесам, чтобы капитан не обратил на него внимания.

Ну и угораздило же...

Опоздать на пост, уже достаточно скверно, а налететь на капитана первого отряда, Рода Ка Митта, во время стремительного бега на дежурство, всё равно что сказать: « Капитан, разрешите самому запереть себя в карцере ».

Йен едва сдерживался, чтобы не переминаться с ноги на ногу. Каждая потерянная минута казалась вечностью. В мешке лежала его новая зацепка. Очередная попытка создать средство для очистки труб. Сегодня впервые представился шанс испытать её в настоящих поступательных трубах.

Капитан молчал. И молчание показалось слишком долгим. Йен решил, что разговор окончен, и сделал шаг вперёд.

– Стоять.

Он застыл.

По спине пробежал холодок.

То, что лежало в мешке, не входило в обязанности первогодок. Новичкам доверяли лишь осмотр и очистку труб, наблюдение за показателями и уборку помещений. Любые эксперименты были строго запрещены.

Капитан медленно перевёл взгляд на мешок.

– Что у тебя там?

Светлые брови сошлись на переносице.

На первый взгляд капитан Ка Митт совсем не походил на человека, которого опасались едва ли не все первогодки. Светлые волосы, глубокие зелёные глаза, мягкие черты лица, скорее добродушный дядюшка, рассказывающий детям сказки перед сном. Лишь аккуратно подкрученные усы, короткая борода и тёмно-синяя форма Каелов выдавали в нём капитана. Да и высокий рост быстро разрушал первое впечатление.

– Это личное, капитан, – расплылся в широкой улыбке Йен.

Брови мужчины сошлись ещё сильнее.

Ну всё.

Йен слишком поздно понял, что сказал.

В армии не существовало ничего личного.

– Отставить. За мной.

Голос капитана прозвучал неожиданно тихо, и от этого стал только страшнее.

Ка Митт развернулся, привычно сцепил руки за спиной и неторопливо зашагал по коридору.

Совсем в другую сторону.

Барлоу посмотрел вперёд на проход к цели, неужели шанс который он так долго ждал, ускользнул прямо перед носом. Солдат повернул голову на капитана, который стремительно от него отдалялся. Выдохнул сквозь стиснутые зубы и поспешил за Ка Миттом. Тот уже скрылся далеко за пределами освещения факелов.

Он не знал, чего ожидать: изъятие, выговор, быть может, наказание или же выгонят взашей с позором, вот и всё на этом.

«Если это произойдет, не видать отцу и остальным хорошей жизни! Может сбежать? Нет! Это ещё хуже! Да и куда? Иногда мне недостает осторожности Жана…» Внутренне Йен весь сжался, но на лице красовалась улыбка. Он старался не отставать от капитана и даже ступать ему вслед.

Когда они достигли личных покоев Ка Митта, сердце Йена беспокойно забилось. Раз капитан позвал его к себе, ничего хорошего ждать не приходилось. Как минимум наказание ему уже обеспечено.

Мужчина открыл дверь и коротко кивнул, приглашая войти. Выражение его лица ничуть не смягчилось.

Йен ответил таким же коротким кивком и переступил порог.

Внутри всё оказалось совсем не таким, как он представлял. Если это капитан, да ещё и первого отряда, то и покои, казалось, должны соответствовать столь высокому положению.

Комната действительно была просторной, но на удивление скромной. Прямо напротив входа стоял большой стол, почти полностью заваленный бумагами. Несколько стульев, одноместная кровать в углу, старый шкаф у противоположной стены и ничего лишнего. Серые стены ничем не отличались от остальных помещений, а несколько свеч лишь поддерживали привычный полумрак.

Йен невольно задержал взгляд на столе. Столько бумаг он видел разве что у писарей.

– Присядь.

Никогда прежде такое простое слово не звучало настолько жёстко. Не раздумывая ни секунды, Йен подчинился и сел на стул напротив стола.

Капитан прошёл мимо него и одним ловким движением выхватил мешок из его рук.

Йен резко втянул воздух, но не произнёс ни звука. Руки предательски задрожали. Он тут же стиснул их в кулаки, всё сильнее впиваясь ногтями в ладони.

«Держи себя в руках», *– твердил он себе.*

Не выпуская мешок из рук, капитан обошёл стол и сел напротив Йена.

Лишь теперь он поднял взгляд.

Несколько долгих секунд Ка Мит молча смотрел ему прямо в глаза, после чего развязал мешок и одним движением высыпал его содержимое на стол.

Стеклянные пузырьки с тихим звоном покатились в разные стороны. Следом разлетелись исписанные листы, грубые наброски труб и клочки бумаги с какими-то расчётами. В кабинете повисла тишина. Капитан внимательно рассматривал содержимое стола, изредка переводя взгляд на Йена. Лишь сейчас рыжий понял, что снова улыбается.

Да что со мной не так...

Он попытался согнать улыбку, но уголки губ лишь едва дрогнули.

Неожиданно лицо капитана изменилось. Складка между бровями разгладилась, словно он наконец нашёл ответ на какой-то свой вопрос.

– Сейчас ведь не твоё дежурство.

Это был не вопрос. Это было утверждение.

Йен молчал, лишь сильнее вжимаясь в стул.

– Я видел тебя на чистке уже несколько раз, – спокойно произнёс капитан. – У меня складывается впечатление, что старшие спихивают на тебя свои дежурства. Обычно первогодки не горят желанием чистить и осматривать трубы, хотя это одна из важнейших частей работы воздуходуха. Либо...

При слове «воздуходух» Йен едва заметно дёрнул плечом. От капитана это не укрылось.

– Нет, – протянул капитан, – Ты сам поменялся с ними местами.

Снова не вопрос.

Утверждение.

Йен продолжал молчать. В голове одна за другой рождались оправдания, объяснения, подходящие слова, но ни одно из них так и не сорвалось с губ.

Капитан перевёл взгляд на разложенные по столу записи и пузырьки.

– Я заметил твои склянки... И то, что ты ведёшь записи. В таком случае я обязан...

– Капитан, я могу всё объяснить!

Слова сами вырвались наружу, не дав Ка Миту закончить.

– Я не делаю ничего, что противоречило бы уставу Каелов! Просто то, над чем я работаю, не входит в обязанности первогодок. Я пытаюсь создать вещество, которое позволит очищать трубы быстрее и эффективнее, чем вручную. Поэтому я и менялся дежурствами. Мне нужно было снова и снова проверять свои догадки. Капитан второго отряда ни за что не разрешил бы мне заниматься подобным... Поэтому я решил действовать сам!

Барлоу выпалил всё на одном дыхании, почти не делая пауз. Лишь закончив, он глубоко вдохнул, будто только сейчас вспомнил, что всё это время не дышал.

Ка Митт продолжал молча смотреть на него.

Йен растерялся, но быстро понял, что капитан ждёт продолжения.

– Прошу вас... не лишайте меня возможности закончить мои наработки. Они помогут не только Каелам, но и людям по всему Королевству. Я уверен, что у меня получится. За последние четыре месяца я провёл среди труб больше времени, чем все первогодки.

– Твой капитан должен был предоставить тебе все необходимые сведения.

Неожиданный ответ застал Йена врасплох, но он быстро нашёлся.

– Он рассказал всё, что знал. Но этого оказалось недостаточно для моих наработок. Поэтому я начал действовать самостоятельно.

Ка Митт задумался.

Он внимательно просмотрел записи и зарисовки, время от времени что-то тихо бормоча себе под нос и хмуря брови. Перевернул лист . Отложил пузырёк с прозрачной жидкость и пригляделся к другому, в котором плавали частички земли. Постучал пальцем по столу и взял следующую запись.

Йен молчал, хотя слова были готовы вырваться наружу бурным потоком. Он понимал: стоит сейчас заговорить самому и капитан может решить, что на него пытаются давить.

– Ты учитывал принцип работы воздуходуха при взаимодействии труб с этим твоим веществом?

К этому вопросу Йен был готов.

– Только исходя из того, что нам рассказывали на занятиях. До самого воздуходуха первогодок всё равно не допускают.

Ка Митт задумчиво кивнул и приподнял взгляд. Он действительно забыл, что перед ним всего лишь первогодка, который на службе меньше года.

– Так и есть. Идём.

На этот раз Йен не колебался ни секунды.

Капитан быстрыми шагами вышел из личных покоев. Йен следовал за ним. Снова не понимая куда и зачем они идут.

Пересекая уже знакомые тёмные коридоры, капитан Ка Мит свернул не к лестнице, ведущей на третий этаж, где располагались казармы первогодок, а направился вниз.

На первый этаж.

Йен шёл следом, всё ещё не веря происходящему.

Другого объяснения не было.

Его ведут к воздуходуху.

За лестницей тянулся ещё один коридор, который был темнее прежних. Лишь два факела, в самом начале и в конце прохода, разгоняли густой полумрак. Йену казалось, что

он не идёт, а летит. Не замечая собственного порыва, он почти поравнялся с капитаном, но тут же опомнился, сделал два шага назад и занял положенное место за его спиной.

Коридор казался бесконечным.

Наконец впереди возникла массивная железная дверь. На ней не было ни ручки, ни замочной скважины.

Из-за спины Йену было тяжело рассмотреть, что делает Ка Мит, но в общих чертах он всё же увидел. Ка Мит достал из потаённого кармана в форме стопку сложенных листков. Наверняка этот карман капитан сделал сам. У Йена такого не было, как и у остальных первогодок. Хотя на вид форма у всех была одинаковой. Ну или так только кажется.

Ка Мит отделил один лист, достал печать первого отряда, дыхнул на неё и одним резким движением поставил оттиск. Убрав всё на место, он посмотрел на Йена.

Парень тут же отвернулся и принялся любоваться наикрасивейшим видом серой стены. Капитан дёрнул усами, но ничего не сказал. Этот паренёк вызывал в нём удивительно странные чувства, будто смотрит и говорит с самим собой в молодости. Он бесшумно дошёл к стене и вытащил металлический ящик. Йен тут же навострил уши, что не укрылось от капитана и тот хмыкнул. До этого Йен принимал ящик за один из кирпичей.

Ка Мит положил внутрь листок и задвинул ящик. Спустя пару секунд послышался скрежет. Дверь с тихим скрипом начала открываться.

Яркий свет стремительно залил весь коридор. Йен прикрыл глаза, но это не особо помогало. Он стал тереть их, но боль от этого только усиливалась.

- Стой смирно! Открой глаза! – скомандовал знакомый голос.

Встать и не шевелиться было легче чем открыть глаза. Йен зашипел. Казалось, глаза вот-вот расплавятся. Солдат вскрикнул, когда жидкость залила сначала один глаз, затем другой. Новая волна жжения и боли обожгла оба глаза. Сердце забилось быстрее, дыхание застряло в горле, отчего парень не мог продолжить кричать и лишь мычал. Йен зажмурился изо всех сил, но боль продолжала пульсировать даже за закрытыми веками.

– Моргай чаще! – новый приказ.

Солдат послушался. Из покрасневших глаз потекли слёзы. Йен моргал так часто, как только мог, попутно вытирая их, но слёзы не прекращались. Между сжатых губ в рот проник солёный привкус слёз, который смешался с чем-то невероятно горьким.

Вскоре глаза начали привыкать к свету, и за дверью стали вырисовываться два силуэта. Двое солдат явно старше Йена. Они пропустили капитана, но задержали взгляд на Барлоу, который то и дело щурился, пытаясь окончательно справиться с режущей болью в глазах.

Они перегородили ему дорогу.

– Пропустить! – не оборачиваясь, бросил приказ капитан и продолжил путь.

Солдаты отступили, а Йен, кивнув, побежал за капитаном.

Постепенно расплывчатые силуэты обрели чёткие очертания. Перед Йеном были солдаты в тёмно-синей форме, каждый из которых был чем-то занят.

– В первый раз всегда так. Чем чаще используешь роглин, тем быстрее к нему привыкаешь. Потом уже не так больно. Но злоупотреблять тоже не стоит – без глаз останешься.

– Роглин? – спросил парень хриплым голосом.

– Об этом позже.

Голова Йена то и дело вертелась по сторонам. Нет. Это был не солнечный свет. Он исходил от множества маленьких огоньков, расположенных в три ряда по всему помещению.

Горели они ярче факелов и находились под защитой стеклянных куполов. Раньше он никогда не слышал о подобном, а тем более не видел. Но главное — Йен не мог поверить, что наконец-то увидит воздуходух. Конечно, через год он уже мог бы увидеть его по праву службы, но для этого ему всё равно пришлось бы пробиться в самый верх армии Каелов. Не всех солдат допускали к работе с воздуходухом. Его наработки не могли столько ждать.

В предвкушении Йен следовал за капитаном, и от волнения всё вокруг начинало кружиться. Ему хотелось знать всё и сразу, и делать, и делать, хоть что-то делать. Руки то сжимались в кулаки, то разжимались. Даже жжение в глазах больше его не волновало. Вся его душа была наполнена невероятным восторгом и радостью.

Капитан остановился и указал на гигантский цилиндрический корпус, установленный у самой крайней стены. По другую сторону от неё находилось пересечение двух городов. От корпуса отходило множество различных труб – как тонких, так и широких. Большинство из них должны были вести к Суниму, остальные – к Минусу. Из нижней части корпуса выходила ещё одна толстая труба и уходила глубоко под землю. Куда она вела и для чего служила, для Йена оставалось загадкой. От каждой части механизма доносился шум, подтверждавший, что всё работает. Рядом с цилиндром находилось ещё одно небольшое помещение, соединённое с основным ещё большей трубой. Внутри всё гудело, а в помещение на тележках ввозили большое количество серых комочков с волосками. Это было сырьё.

– Воздуходух. Что скажешь? – спросил капитан, посмотрев на солдата.

– Сэр, он великолепен! – с улыбкой на лице, всё так же не отрывая взгляда от корпуса, проговорил Йен.

Ему хотелось запомнить каждую деталь, каждую трубу, каждый огонёк вокруг них.

– Я так и думал.

Йен посмотрел на капитана. Его брови больше не сводились к переносице, а расслабленно занимали свое законное место.

– Как ты думаешь, как он работает? – с интересом спросил Ка Мит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.